

Два адмирала

Автор:

Джеймс Фенимор Купер

Два адмирала

Джеймс Фенимор Купер

Джеймс Фенимор Купер. Собрание сочинений #13

Творчество американского писателя Дж. Ф. Купера (1789 – 1851) хорошо известно современному читателю. Морские же романы его представляют библиографическую редкость. Роман «Два адмирала» (1842) повествует о событиях из истории морской войны между Англией и Францией в середине XVIII века.

Джеймс Фенимор Купер

Два адмирала

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2009

© ООО «РИЦ Литература», состав, 2009

Глава I

В этом случае, если бы он был сыном моего брата, мой брат не мог бы его признать, и ваш отец, хотя и не был его отцом, не мог от него отречься. – Сын моей матери дал жизнь наследнику вашего отца; наследник вашего отца

должен владеть этими землями.

Шекспир. «Король Иоанн»

Описываемые события, предшествуя несколькими годами борьбе, обыкновенно называемой в Америке «Старой Французской войной», относятся к середине прошлого столетия. Начиная повествование сценой, действие которой происходит на берегах Англии, в стране, давшей жизнь и основание Новому Свету, мы считаем нелишним заметить здесь, что в середине XVIII столетия колонии Америки служили примером верноподданнического служения своим государям; но война, о которой мы только что сказали, повлекла столь большие издержки, что министерство Англии вынуждено было прибегнуть к системе налогов, что кончилось революцией. Однако эпоха, нами описываемая, еще не была ознаменована теми распрями, которые впоследствии привели к независимости Америки: все умы в то время были заняты войной, которая столько же увеличила славу британского оружия, сколько доставила выгод британским американским владениям, жители которых, может быть, никогда не были более расположены к своей метрополии, как в период, о котором мы хотим рассказать.

С тех пор как возрастающее число американских колоний стало снабжать английский флот значительными подкреплениями, американцы участвовали почти во всех знаменитых подвигах английского флота. Лучшее дворянство колоний охотно отдавало своих сыновей в королевский флот, так что еще и в XIX столетии на многих бом-брам-стенгах королевских кораблей развевались флаги, которые показывали присутствие адмиралов, вышедших из Америки.

Но обратимся к нашему рассказу.

Всякому известны вечные туманы Англии, но только тот может понять всю прелесть, придаваемую этим туманом любой картине природы, кто сам имел случай видеть его магическое действие, когда он, своими скорыми и своенравными переменами, позволяет самому простому ландшафту игриво кокетничать пред взором зрителя. Сцена, открывающая наш рассказ, происходит среди этого, всеми осмеянного, тумана; нелишне, однако, заметить здесь, что туман, о котором мы говорим, был июньский, а не ноябрьский.

На высоком мысе Девонширского берега стояла небольшая сигнальная станция, служащая для переговоров с судами, которые изредка становились на якорь на ближайшем рейде. Далее расположена была деревня, или, скорее, деревенька, которую мы будем называть Вичекомбом; на небольшом расстоянии от этой деревеньки стоял дом времен Генриха VII, окруженный парком и служивший местом жительства сэру Вичерли Вичекомбу, баронету времен короля Иакова I и владельцу поместья, которое хотя и не находилось в самом цветущем состоянии, но приносило годового дохода от трех до четырех тысяч фунтов и досталось ему в наследство от предков, восходивших к временам Плантагенетов. Сто лет тому назад английский баронет, а тем более баронет 1611 года, был особой гораздо более важной, чем ныне; а четыре тысячи годового дохода, особенно если они приобретались не притеснительными арендами, были тогда также значительны и оказывали почти такое же влияние на окружающих, какое ныне могут оказать доходы, по крайней мере, втрое большие. Несмотря, однако, на это, сэр Вичерли пользовался той выгодой, которая едва ли не важнее самих доходов и которая в 1745 году была более обыкновенна, чем в настоящее время. На расстоянии пятнадцати миль в округе он не имел ни одного соперника; ближайший его сосед, будучи важным государственным сановником, богачом и любимцем короля, обыкновенно жил при дворе, оставляя таким образом нашего баронета спокойно наслаждаться уважением всех окрестных жителей. Сэр Вичерли был один раз членом парламента, и этим ограничилось его политическое поприще. Добрый баронет с такой точностью исполнял свою обязанность, что не пропускал ни одного собрания; такая деятельная жизнь не доставляла ему никаких выгод и скоро совершенно истощила его терпение. Отказавшись от своего места, он удалился в Вичекомб, где и провел последние пятьдесят лет своей жизни, превознося до небес Англию и особенно ту часть ее, в которой лежали его поместья. Сэр Вичерли имел уже от роду восемьдесят четыре года и все еще был здоровым и крепким холостяком. Из пяти своих братьев он был старший; младшие, по обыкновению, должны были искать себе места в коллегии юстиции, в лоне церкви, в армии и во флоте. Места эти они заняли точно в таком порядке, как мы перечислили, так что второй брат посвятил себя юстиции и достиг звания судьи, он имел от своей ключницы троих сыновей, из коих старшему, умирая, назначил все свое состояние, приобретенное в течение долгой службы, а двум младшим купил места в армии. Третий брат вступил в духовное звание и, будучи еще викарием, сломал себе на охоте за лисицами шею, он умер безбрачным и, сколько было известно, бездетным. Это был любимый брат сэра Вичерли, который обыкновенно говорил, что «бедный брат его лишился жизни, подавая своим прихожанам пример доброго охотника». Следующий затем брат поступил в армию и умер в ранней молодости; наконец, имя младшего брата, служившего во флоте, было исключено из списков

лейтенантов его величества по случаю кораблекрушения ровно за полвека до эпохи, с которой начинается наше повествование. После смерти викария все надежды сосредоточивались на одном судье, и все те, которые принимали участие в славе и долговечности дома Вичекомбов, весьма сожалели, что этот сановник не вступил в брак, несмотря на то, что ранняя смерть других братьев оставляла замок, парк и прекрасные фермы без всякого законного наследника. Словом, эта древняя ветвь фамилии Вичекомбов со смертью сэра Вичерли прекращалась совершенно. Сэру Вичерли оставалось только сделать при жизни духовное завещание. Правда, Том Вичекомб, старший сын судьи, часто намекал насчет тайного и благовременного брака своих родителей – факт, который всякие завещания делал излишними, потому что родовое имение строго переходит к старшему в роду, происходящему по прямой линии от главы фамилии; но наш сэр Вичерли Вичекомб видел своего брата на смертном одре, и между ними произошел весьма интересный разговор, который мы передадим здесь читателю.

– Теперь, добрый брат мой Томас, – сказал баронет дружеским и утешительным тоном, – когда ты очистил уже от грехов свою душу теплой молитвой и чистосердечным раскаянием, мы можем переговорить и о земных делах своих. Ты знаешь, я бездетен, то есть...

– Я понимаю тебя, – возразил умирающий, – ты хочешь напомнить мне о своей безбрачности.

– Да, Томас; а человек безбрачный не должен иметь детей. Скажи мне, случалось ли тебе когда-нибудь встречать в своей обширной практике, чтобы какое-нибудь имение оставалось, подобно нашему, без всякого наследника?

– Подобное обстоятельство, брат, очень редко: наследников всегда больше, чем самих наследств.

– Пока ты был здоров, добрый брат мой, все было так хорошо и спокойно! – говорил сэр Вичерли, расхаживая по комнате. – Ты был моим наследником по праву рождения...

– По праву майората, – заметил судья.

– Положим, положим, но во всяком случае, наследником. Мне говорили, будто ты был женат на Марте, в таком случае Том, старший сын твой, мог бы сделаться моим наследником без всяких завещаний...

– Он *filius nullius* и ничего больше, – отвечал судья, будучи слишком благородным человеком, чтобы сделать подобный обман.

– Как так, братец? Том всегда говорил мне, что он законный твой сын.

– Тут ничего нет удивительного, потому что подобное мнение твое о нем было бы ему чрезвычайно приятно. Том и его братья, все они *filli nullorum*, да простит меня Господь за все зло, которое я им сделал!

– Странно, что ни брат наш Чарльз, ни брат Грегори не подумали о женитьбе прежде, чем принесли свою жизнь в жертву королю и отечеству, – заметил сэр Вичерли с упреком, как будто его безденежные братья были виноваты перед ним, что не оставили ему наследника, и, забывая, что он сам, как и они, не исполнил этой важной обязанности. – Мне кажется, я первый баронет Вичекомба, которому приходится делать завещание?

– Кажется, так; по крайней мере, ни я, ни мои братья ничего не получили этим путем.

– Но сделать завещание я считаю слишком трудным делом. А между тем в Англии найдется порядочное число Вичекомбов; неужели ни один из них не принадлежит к нашей фамилии? Говорят, что родственник в сотом колене может быть таким же наследником, как и старший сын.

– По неимению ближайшего наследника, разумеется, может. Но у нас нет и в сотом колене кровного родственника.

– А Вичекомбы Соррейские, брат Томас?

– Они происходят от побочного сына второго баронета и вовсе не принадлежат к нашей родословной.

– Но по крайней мере Вичекомбы Гертфорширские, как я всегда слышал, происходят от нашей фамилии, и все они законнорожденные.

– Это совершенно справедливо. Но они сделались побочной линией нашей фамилии в тысяча четыреста восемьдесят седьмом году, задолго до возведения одного из наших предков в звание баронета, следовательно, также не имеют никакого права на наш майорат.

– Но мы происходим от общего предка, и родовое имя наше гораздо старше тысяча четыреста восемьдесят седьмого года.

– Все это так, братец, но полукровные братья и их потомки никогда не могут наследовать один другому; так повелевают наши законы.

– Признаюсь тебе, я никогда не понимал хорошенько всех тонкостей законов, – сказал сэр Вичерли со вздохом, – но я верю в их справедливость. Между тем по Англии так много рассеяно Вичекомбов, что, вероятно, хоть один из них мог бы сделаться моим наследником.

– Это правда, что их много, но ни один из них не имеет законных прав на наше наследство.

– Я часто думаю, брат Томас, об одном прекрасном молодом моряке, которого очень часто встречаю около сигнального домика с тех пор, как он остался у нас на берегу для излечения своей раны. Вот поистине храбрый молодец! Первый лорд Англии прислал ему патент на звание лейтенанта в награду за его отвагу, которую он проявил при взятии французского судна. Я надеюсь, что он сделал бы честь нашему имени, и нисколько не сомневаюсь, что он так или иначе, а все же принадлежит к нашей фамилии.

– Разве он говорил тебе об этом что-нибудь? – быстро спросил судья, который вообще был довольно подозрителен и из слов баронета заключил, что, вероятно, этот молодой человек предпринял уже какие-нибудь попытки, чтобы обмануть его легковверного брата. – Ты мне как-то говорил, – продолжал он, – что он уроженец американских колоний?

– Да, говорил; он из Виргинии.

– Может быть, какой-нибудь ссыльный или, что еще вероятнее, какой-нибудь слуга, которому более понравилось имя своего господина, чем свое собственное. Подобные случаи, как я слышал, очень обыкновенны по ту сторону океана.

– Если бы только он не был американцем, я бы вполне желал, чтоб он был моим наследником, – отвечал печально сэр Вичерли, – но сделать американца владельцем Вичекомба еще хуже, чем дать этому имению отойти назад к государю. Земли наши до сей минуты имели всегда английских владельцев. Да нельзя ли из твоего Тома сделать такого *filius*, который бы имел право наследовать?

– По нашим законам нельзя. По римскому праву и по шотландским законам это еще вещь возможная; но по нашим законам, где все основано на здравом рассудке, об этом нечего и думать.

– Жаль! По крайней мере, я желал бы, чтоб ты хоть раз увидел молодого виргинца, о котором я тебе говорил. При всех своих прекрасных качествах он носит оба мои имени, Вичерли Вичекомб!

– Уж не твой ли он *filius*, Вичерли?.. Не так ли, брат?

– Господь с тобой, брат Томас! Неужели же ты думаешь, что у меня менее откровенности, чем у тебя, и что я мог бы отречься от своей плоти и своей крови? Я никогда не видал этого молодца, даже не слышал о нем прежде, пока он с полгода тому назад не поселился в Вичекомбе для излечения своей раны. Узнав, что его имя Вичерли Вичекомб, я не мог отказать своему желанию его увидеть. Бедняга лежал две недели при смерти, и все немногие сведения насчет его фамилии я узнал от него в те минуты, когда все мы мало надеялись на его выздоровление. Я думаю, это обстоятельство достаточно может убедить каждого в истине его слов.

– В известном случае, разумеется, этого было бы достаточно, а именно: если б он действительно умер. Оставшись же в живых, он должен под присягой подтвердить свои слова. В чем же состоял рассказ его?

– В весьма немногих словах. Он сказал мне, что его отец был Вичерли Вичекомб, дед – владелец плантации в Виргинии. Вот, по-видимому, все, что он знал о своей родословной.

– И вероятно, все, что только мог знать о ней. Мой Том не единственный *filius nullius* между нами, и дед твоего виргинца если и не украл этой фамилии, то уж, вероятно, приобрел ее какими-нибудь подобными путями.

– Да, наша линия очень скоро прекратится! – отвечал, вздыхая, баронет. – Единственное мое теперь желание состоит в том, чтоб ты не заблуждался относительно Тома и чтоб он не был тем *filius*, которым ты его называешь.

Томас Вичекомб по своим нравственным правилам был человеком строжайшей честности во всем, что только касалось до *meum* и *tuum*. Он был особенно строгих понятий в отношении прав наследования родовых имений. Сначала свет очень мало интересовался семейными делами простого адвоката; и так как сыновья его родились до возведения его в достоинство судьи, то всякий считал его вдовцом и родным отцом трех малюток, весьма много обещавших. Из сотни его знакомых едва ли один знал истину, следовательно, ничего не было для Томаса легче, как обмануть своего брата, и тем или другим ложным свидетельством заставить его сделать сына наследником Вичекомба по праву законов. Но Томас, как мы уже сказали, был весьма далек от подобной несправедливости. По его мнению, владение Вичекомб должно было точно так же и на таких же основаниях переходить в наследство, как и всякое постороннее имение. В его глазах законность была выше всего, хотя он нисколько не задумался, прежде чем произвести на свет от своей возлюбленной Марты семерых детей, из коих осталось в живых только трое. Подумав еще немного и приняв порядочное количество лекарства, чтобы подкрепить свои силы, он обратился к баронету со следующими словами:

– Послушай, брат Вичерли, – сказал он, – ты достаточно знаком с историей нашей фамилии, и потому я считаю лишним распространяться об этом предмете. Я проживу не более месяца, и, следовательно, все надежды на продолжение прямой линии нашего рода связаны с тобой. Решай сам, кто должен быть твоим наследником после моей смерти. Старшая линия Вичекомбов два раза прекращалась, и только во второй раз наследником нашего владения сделался сэр Майкл. Оба эти раза порядок наследия определял закон, и каждый раз владение доставалось младшей линии. Сэр Майкл был женат два раза; от первой жены произошли мы, от второй – Вичекомбы Гертфорширские, известные ныне как баронеты этого графства; старший из них имеет титул: сэр Реджинальд Вичекомб из Вичекомба.

– Сэр Реджинальд, происходя от детей второго брака сэра Майкла, не может быть моим наследником, – заметил сэр Вичерли отрывисто и как бы с неудовольствием. – Потомки второго брака тоже, что nullius, как ты называешь Тома.

– Совсем нет, брат Вичерли. Дети второго брака такие же законные дети, как и мы с тобой; между тем как nullius – незаконнорожденный и ничего больше. Сэр Реджинальд имеет неоспоримые права на твои земли; за ним Том или один из его братьев; потом следует совершенно чужой или же его величество.

– Напиши мне, Томас, завещание – и я все свое имение оставлю твоему сыну, – сказал с энергией баронет, – только не упоминай ничего в завещании о nullius; когда я умру, Том спокойно займет мое место.

Отцовская любовь минутно торжествовала в груди Томаса, но привычка и строгое чувство правды скоро одержали верх над желанием его сердца. Может быть, какие-нибудь сомнения или основательное знание характера своего сына содействовали его ответу.

– Этого никогда не должно быть, сэр Вичерли, – отвечал он, задумавшись. – Том не имеет никакого права на Вичекомб, между тем как сэр Реджинальд имеет самое основательное, хотя и не признаваемое законом. Если бы вместо нашего прадеда, сэр Майкл сделал из нашего имения майорат, то сэр Реджинальд без всяких завещаний был бы твоим наследником.

– Я никогда не любил сэра Реджинальда Вичекомба, – отвечал сердито баронет.

– Что ж такое! Пока ты жив, он тебя не будет беспокоить, а после смерти тебе все равно, кому бы ни досталось твое имение. Дай-ка я сам напишу завещание, а для фамилий оставлю места; тебе останется только вписать их и самому подписаться.

Тем и прекратилась беседа двух братьев. Завещание было написано по всем правилам и с пробелами для имен; сэр Вичерли взял его с собой, чтобы прочесть, тщательно поместил везде имя Тома Вичекомба, потом принес его назад, скрепил в присутствии брата подписью и отдал своему племяннику со строгим приказанием держать его в тайне, пока оно после его смерти не вступит в полную свою силу.

Спустя шесть недель после этого Томас Вичекомб умер, и баронет в глубокой печали о потере единственного брата возвратился в свое поместье. Сделанный им выбор наследника не мог быть несчастнее, потому что Том был сын одного адвоката из Темпля и близкое сходство его с мнимым отцом существовало только в воображении легковверного дяди.

Глава II

Как ужасно и безрассудно смотреть туда вниз. На полдороге между вершиной утеса и землей человек повис, собирая обломки. – Какое опасное занятие.

Шекспир. «Король Лир»

Отступление наше в пользу фамилии Вичекомбов отвлекло нас далеко от сигнальной станции, мыса и тумана, которыми мы начали свой рассказ.

Неподалеку от этого места стоял небольшой уединенный домик, окруженный со всех сторон живописным кустарником и цветами. Сам домик был отделан с большим вкусом, что обыкновенно можно было встретить тогда в Англии. Белые стены его с соломенной крышей, окруженные частоколом зеленеющий садик, небольшой двор, хлев – все это говорило об опрятности, даже образованности его обитателей, – образованности, которую едва ли можно было ожидать от людей столь простого звания, как сигнальщик и его семейство. Вокруг дома все предметы были в таком же прекрасном состоянии: сам мыс, хотя и был со всех сторон открыт, однако эта часть его была занята двумя или тремя хорошо обработанными полями, на которых паслись лошадь и несколько коров.

Около семи часов утра июня месяца у сигнальной мачты на скамейке сидел высокий мужчина крепкого от природы телосложения, но согбенный годами или болезнью. Одного взгляда на красное и раздувшееся лицо его было достаточно, чтобы убедиться, что более порок, нежели физическое расстройство сил, был причиной его слабости. Он имел мужественное лицо, которое, по-видимому, было когда-то прекрасно; даже и теперь, хотя неумеренность к крепким напиткам и произвела в нем свое опустошительное действие, оно могло считаться довольно красивым. Ему было около пятидесяти лет. Наружность его,

равно как и одежда, выдавала в нем моряка – это был квартирмейстер или штурман судна. Человек, представленный нами читателю, по имени Доттон, отправляя должность сигнальщика, обнаруживал в своем хорошо сохранившемся мундире и вообще во всем, что касалось его одежды, такую чистоту и опрятность, которые невольно заставляли думать, что, вероятно, какая-нибудь посторонняя особа заботится о его гардеробе. В этом отношении наружность его была выше всякого порицания.

Приход Доттона к сигнальной мачте в такую раннюю пору имел известную цель: с рассеиванием тумана он обыкновенно внимательно обозревал море, чтобы узнать, нет ли где-нибудь поблизости судна, которое нуждается в его сигналах. По-видимому, он был не один в этом уединенном месте, потому что весьма часто обращался к кому-то с разговором, хотя, кроме него, никого не было видно. По направлению звуков легко можно было заключить, что тот, с кем он говорил, находился на вершине утеса, лежащего футах в ста.

– Помните морское правило, господин Вичекомб, – говорил Доттон с предосторожностью, – одну руку королю, другую себе! На этих утесах есть опасные места, и, право, можно ли моряку питать такую страсть к цветам, чтоб из-за какого-нибудь пучка подвергаться опасности сломать себе шею!

– Не бойтесь за меня, господин Доттон! – отвечал звучный мужественный голос, принадлежащий, по-видимому, юноше. – Мы, моряки, привыкли висеть в воздухе.

– При помощи хороших веревок, – заметил Доттон. – Правительство его величества только что произвело вас в офицеры, и вы обязаны беречь свою жизнь, которая может принести пользу отечеству.

– Совершенно справедливо, совершенно справедливо, господин Доттон, так справедливо, что я даже удивляюсь, к чему вы об этом мне напоминаете. Я много благодарен министерству его величества, и...

Говорящий, казалось, спускался ниже и ниже, потому что голос его с каждой минутой становился более и более неясным и, наконец, совершенно затих. В ту же минуту Доттон с беспокойством оглянулся, ибо ему послышалось, будто что-то тяжелое скатилось с утеса. Он хотел встать, но все члены его тряслись, и он, ощущая недостаток сил, чувствовал унижение, происходившее от сознания, что он сам был виновником своего расстройств. Вскоре около него послышался

шорох, и взоры его остановились на родной дочери, Милдред, девятнадцатилетней девушке замечательной красоты.

– Я слышала, что вы кого-то звали, отец, – сказала она, глядя внимательно и беспокойно на своего отца, будто удивляясь, что он так рано успел уже подвергнуться своей обыкновенной слабости. – Что вам угодно?

– Бедный Вичекомб! – произнес Доттон. – Он взобрался на утес нарвать тебе букет цветов, и... я боюсь...

– Что с ним сделалось? – спросила Милдред дрожащим от ужаса голосом, между тем как яркий румянец на ее лице сменился смертельной бледностью. – Нет, нет, он не мог упасть!..

Доттон опустил голову, тяжело вздохнул и, казалось, начал мало-помалу приходить в себя. Он собирался уже встать, как услышал приближающийся топот, и вскоре за тем сэр Вичерли Вичекомб показался на своей спокойной лошадке, тихо приближаясь к сигнальной станции. Ничего не было обыкновеннее, как видеть баронета рано утром на утесах; но весьма редко случалось, чтоб он совершал это путешествие без провожатого. Лишь только Милдред увидела баронета, которого, казалось, знала весьма хорошо и с которым обращалась с доверчивостью признанной любимицы, как радостно воскликнула:

– Сэр Вичерли! О, какое счастье, что вы приехали! Но где же ваш Ричард?

– Доброе утро, милая Милли! – весело отвечал баронет. – Счастье или нет, а я здесь и, признаюсь тебе, мало чувствую удовольствия, слыша, что первый твой вопрос касается слуги, а не господина. Я послал Дика^[1] – Дик, сокр. Ричард (Примеч. перевод.)] за викарием. С тех пор как умер мой бедный брат, господин Ротергам делается для меня более и более необходимым.

– О, дорогой сэр Вичерли!.. Господин лейтенант... Вичерли Вичекомб... который был так опасно ранен... в выздоровлении которого все мы принимали такое участие...

– Да что с ним случилось, дитя мое?

– Там, там... утес!.. утес! – прибавила Милдред, лишаясь способности говорить.

Девушка с ужасом указывала на пропасть, и добродушный баронет начинал понимать, в чем дело; несколько слов Доттона пояснили ему окончательно случившееся. Он сошел с лошади с удивительной для его лет быстротой и начал советоваться о средствах к оказанию помощи. Между тем никто из них не решался взойти на край утеса, который возвышался почти перпендикулярно над самой оконечностью мыса и был страшен при одной мысли о пропасти, которая под ним находилась. Долго они стояли будто пораженные громом, наконец Доттон, как бы устыдясь своей слабости, решился подойти к краю утеса, чтобы узнать настоящее положение дела. Его решимость успокоила Милдред и возвратила ей присутствие духа, а вместе с тем и мужество.

Он мысленно представил себе все, что произошло с несчастным юношей.

– Если бы даже не было тумана, мы и тогда не могли бы видеть нашего моряка из-за этих утесов, – заметил Доттон. – Он, должно быть, висит где-нибудь на круче и притом выше нижних выступающих скал.

Побуждаемые одним чувством, оба старика быстро подошли к вершине утеса и вскоре все поняли. Молодой Вичекомб, срывая цветок, нагнулся вперед и, таким образом, вся тяжесть тела пришлась на одну ногу; кусок земли, на котором он стоял, обвалился, и он потерял равновесие. Присутствие духа и решительность спасли его от неминуемой смерти. Чувствуя, что утес под ним рушится, он бросился вперед и соскочил на узкий выступ, находившийся в нескольких футах ниже того места, где он стоял, и по крайней мере на десять футов в сторону. Выступ этот был рыхлый и не шире двух или трех футов, так что если бы над ним не было нескольких кустарников, он только замедлил бы падение отважного моряка, который ухватился изо всех сил за этот кустарник и повис на нем в воздухе. К счастью, кустарник так далеко пустил свои корни, что был в состоянии удержать некоторое время Вичерли, который с искусством отчаянного моряка сумел, наконец, закрепиться на маленьком выступе, повернувшись спиной к утесу. Высота утеса над его головой простиралась до тридцати шести футов, а выступ, на котором он стоял, далеко выдаваясь вперед, находился над самой отвесной частью утеса. Освободиться от этой опасности без посторонней помощи было физически невозможно. Вичекомб понял это с первого взгляда, и все время своего страшного положения провел в поисках средств к своему спасению. Только тот, кто привык взбираться на вершины огромных мачт, мог сохранить столько хладнокровия, чтобы удержаться в подобном положении

несколько минут.

Рассмотрев опасное положение Вичекомба, баронет и Доттон в ужасе отступили назад, будто страшась низвергнуться на голову несчастному. Потом оба они легли на траву и снова приблизились к краю пропасти, дрожа всем телом. Прекрасная Милдред, видя опасность, в которой находился отважный юноша, забыла об осторожности. Она стала на самый край утеса и с непостижимой твердостью и смелостью смотрела вниз, между тем как ее роскошные локоны, развеваясь вокруг прекрасного ее лица, скоро мелькнули в глазах Вичерли.

– Ради бога, – вскричал он, – отойдите дальше от утеса! Я вас вижу...

– Умоляю вас, Вичерли, скажите скорее, что мы должны делать для вашего спасения?..

– Не бойтесь за меня, милая Милдред; делайте только то, что я вам буду говорить, и все обойдется как нельзя лучше! Скажите мне только, слышите ли вы все, что я вам говорю?

– Все, все слышу, – отвечала Милдред, почти задыхаясь от усилия казаться спокойной.

– Так сходите скорее к сигнальным фалам и выдерните их из верхнего блока... когда вы это сделаете, возвратитесь сюда, и я скажу вам, что вы потом должны делать...

Милдред быстро побежала к сигнальной мачте. Она умела обращаться со всеми сигнальными фалами. В одну минуту она выдернула их из блока и свернула в кружок.

– Готово, Вичерли! – сказала она, подбежав к утесу и смотря вниз. – Не спустить ли вам один конец?.. Но боже! Я не в силах одна поднять вас, а сэр Вичерли и батюшка, кажется, не в состоянии помочь мне!..

– Не спешите, Милдред, и все пойдет хорошо, – отвечал Вичерли. – Обверните веревку кругом сигнальной мачты, потом свяжите покрепче концы ее и спустите ко мне. Будьте только, ради бога, осторожны и не подходите близко к утесу!

Но Милдред не слышала последних слов моряка: она уже исполняла его поручение. Ее пронизательный ум помог ей тотчас понять, чего от нее требуют, – и проворные ее пальчики скоро справились со своей задачей. Она связала концы веревки, как ей было сказано, и не более как через минуту эта веревка висела уже над головой Вичерли, который легко мог достать ее. Сигнальные веревки тоньше мизинца; но они обыкновенно весьма крепки и прочны. Вичекомб, кроме этого, знал, что веревка, ему поданная, была новая, ибо он сам за неделю перед тем помогал продеть ее в блок и, как будто чувствуя, что она так скоро ему понадобится, на всякий случай оставил ее длиннее обыкновенного. Таким образом, конец этой веревки спустился футами двадцатью ниже того уступа, на котором он стоял.

– Теперь все прекрасно, милая Милдред! – закричал он в восторге, когда ему удалось захватить оба конца веревки и обвить их вокруг своего тела под мышками.

Милдред взглянула вниз и поспешно отступила назад:

– Помогите, помогите ему, отец! – воскликнула она, закрывая лицо руками, чтобы не видеть отчаянной борьбы Вичекомба. – Если он упадет теперь, он непременно разобьется! О, спасите его, спасите, сэр Вичерли!

Но ни один из тех, к которому она обращалась, не мог оказать ни малейшей помощи. На ее отца снова нашел нервный припадок, между тем как баронет и по своим летам, и по своей неопытности был совершенно бесполезным в настоящем случае.

– Я вне всякой опасности, – крикнул снизу Вичерли. – Взгляните только, пожалуйста, господин Доттон, не трется ли моя веревка об утес.

– Все находится в отличном порядке, – отвечал сигнальщик. – Теперь, господин Вичерли, ослабьте, по возможности, веревку и дайте мне ее столько, сколько можете, не свертывая, однако, с себя. Вот так! Смотрите же, держитесь теперь, на всякий случай, как можно крепче за конец.

В ту же минуту веревка ослабла, и Доттон потянул ее вдоль утеса, пока она не облегла всего выступа, где и стала держаться сама собой. Теперь оставалось только Вичерли перескочить на эту отлогость и потом без всякого уже

особенного затруднения подняться на самую вершину. Между тем уверенность, обнаруживаемая Доттоном, ободрила баронета и Милдред, и они снова подошли к утесу, остановясь в таком месте, где легко можно было спускаться с него, не подвергаясь опасности.

Когда Вичекомб сделал все приготовления, он стал на край выступа, потянул веревку, высмотрел опорную точку на другой стороне и сделал скачок. В мгновение ока он перелетел это расстояние, и когда веревка вытянулась почти вертикально, он стоял уже на почве, усеянной такими неровностями, что при помощи веревки ему нетрудно уже было подыматься. По мере подъема кверху веревка скоро сделалась для него лишней, и он вскочил на вершину. В ту же минуту Милдред упала без чувств на траву.

Глава III

Мне нужен герой.

Лорд Байрон

Благодаря слабости отца молодому человеку открылся приятный случай отнести Милдред домой. Он так скоро нес свою ношу, что никто не мог заметить поцелуя, запечатленного им на бледной щечке прекрасной девушки, которую он нежно прижимал к своему сердцу. Когда он подошел к домику, Милдред от движения и действия воздуха начала приходить в себя, и Вичерли скоро вынужден был передать ее на попечение матери, рассказав ей в коротких словах обо всем случившемся.

Возвратясь к мысу, он нашел общество у сигнальной мачты пополнившимся еще двумя лицами: Диком, конюхом баронета, возвратившимся от викария, и Томом Вичекомбом, наследником сэра Вичерли, одетым в глубокий траур по отцу. В последнее время Том Вичекомб очень часто начал посещать жилище Доттона, притворяясь пламенным любителем морского воздуха и величественного океана. Он и его однофамилец встречались тут несколько уже раз, и каждая новая встреча была недружелюбнее предшествовавшей, по причине, хорошо известной им обоим. Таким образом, и при настоящей встрече они обменялись холодными поклонами, бросая друг на друга взгляды, которые можно бы было

назвать только неприязненными, если бы во взгляде Тома Вичекомба не просвечивало какой-то зловещей иронии. Несмотря, однако, на свою ненависть к Вичерли, он умел довольно хорошо скрыть свои чувства и обратиться к новоприбывшему с самым дружеским разговором.

– Я слышал, господин Вичекомб, – заметил наследник судьи, – что вы сегодня получили отличный урок в воздушном путешествии. Кажется, такое удовольствие более в американском вкусе, нежели в английском. Да, впрочем, я думаю, в ваших колониях происходят часто такие штуки, каких мы и во сне не видели!

Хотя это и было сказано, по-видимому, без всякой особенной цели и совершенно равнодушно, но в сущности было сделано с тонким расчетом. Главная слабость нашего баронета заключалась в слепом поклонении всему, что касалось родного, отечественного. Он давно уже увлекся тем чувством презрения ко всем землям, подвластным Англии, которое искони существует между всеми метрополиями и колониями. Молодой Вичерли живо чувствовал всякий намек, который хоть сколько-нибудь клонился к осуждению его родины. Хотя он и считал себя англичанином, хотя и был верноподданным короля английского, но в спорном вопросе между Европой и Америкой он был американцем; в самой же Америке в отличие от всех других колоний считал себя прямым виргинцем. Он слишком хорошо понял насмешку Тома Вичекомба, но преодолел свой гнев из уважения к баронету, а может быть, и потому, что был полон тех сладких чувств, которые еще так недавно испытал.

– Те, которые так думают о колониях Америки, – сказал он спокойно, – хорошо бы сделали, если бы сами посетили их прежде, нежели станут вслух выражать о них свои мнения; зачем говорить то, от чего со временем, может быть, придется отречься?..

– Правда, мой друг, совершенная правда, – заметил с истинным добродушием баронет. – Нельзя предполагать, чтоб в Америке так же было все хорошо и удобно, как у нас в Англии; не думаю также, чтоб американец был способнее прыгать через утесы, чем англичанин. Жаль, что вы не наш, молодой человек, – прибавил он, обращаясь к моряку, – хотя случайно и носите наше имя; впрочем, человек не отвечает ни за свое рождение, ни за свою родину.

В продолжение всего утра с мыса решительно не было видно моря, на нем лежал густой туман, покрывая все пространство, обнимаемое глазом, одним белым

облаком. Легчайшие частицы его сначала носились вокруг мыса, который поэтому и не мог быть виден с моря на далеком расстоянии; но скоро все эти частицы осели в одну массу, возвышавшуюся до двадцати футов от поверхности моря. Еще было довольно рано, но солнце грело уже так сильно, что большая часть верхних слоев тумана мало-помалу исчезла, воздух совершенно очистился и прояснился, и в нем весьма легко можно было видеть предметы на расстоянии нескольких миль. Скоро опытный глаз Доттона заметил выше поверхности тумана верхний парус судна.

– Посмотрите, сэр Вичерли, посмотрите, господин Вичекомб! – закричал он, указывая на отдаленный парус. – Или я вовсе не знаю положения бом-брамселя военного корабля, или готов держать пари, что королевский парус приближается к нашему рейду! Однако для столь легкого паруса, господин лейтенант, такой бом-брамсель, кажется, слишком велик?

– Не забудьте, господин Доттон, что он принадлежит двухдечному судну, – отвечал молодой моряк. – Теперь, когда судно повернулось боком, вы можете отдельно рассмотреть его фок- и грот-мачты.

– Вот и другой парус! – закричал снова Доттон, указывая пальцем на восток. – Если только я не ошибаюсь, он одинаков с первым. О, как приятно видеть моим глазам, что наш забытый рейд снова начинают посещать. Но что это за суда такие? Вероятно, крейсера, посланные к берегу с какими-нибудь депешами.

– А я вижу и третий, вон там, на востоке, – заметил насмешливо Вичекомб, указывая в свою очередь на двух незнакомцев, которые подымались к сигнальному домику по тропинке, идущей от самого берега. – Вероятно, эти господа находятся на службе его величества и сошли с тех судов, которые виднеются в море.

Доттон с первого взгляда удостоверился в справедливости этого предположения. Когда незнакомцы сошлись вместе, один из них, появившийся перед нашими зрителями последним, пошел вперед; его лета, решительность, с которой он шел, словом, все заставляло обоих наших моряков предполагать, что это командир одного из показавшихся судов.

– Доброе утро, господа! – сказал он, подойдя на такое расстояние, что его приветствие могло быть услышано обществом, находившимся у сигнальной

мачты. – Доброе утро всем вам! Я очень рад, что, наконец, достиг вас, потому что эта тропинка, пролегающая через рытвины утеса, просто лестница Иакова. Что это, Атвуд?! – воскликнул он с удивлением, смотря на море, закрытое непроницаемым туманом. – Что же случилось с нашей эскадрой?

– Она закрыта от нас, сэр, туманом, который расстилается по поверхности моря и находится ниже нас; когда мы были в уровень с нашими судами, мы могли их лучше видеть, чем теперь, поднявшись на такую высоту.

– Отсюда, сэр, вы можете видеть только верхние паруса двух или трех судов, – заметил Вичекомб, указывая на виднеющиеся паруса.

– Двух или трех! Когда я сидел в лодку, у меня перед глазами были одиннадцать двухдечных кораблей, три фрегата, шлюп и куттер. Они стояли так плотно, что вы могли бы прикрыть их носовым платком, не так ли, Атвуд?

– Это правда, сэр, они были выстроены в самую сжатую линию, хотя я и не берусь утверждать, чтоб действительно так тесно, как вы изволили заметить.

– Ну, уж ты, иноверец, никогда не хочешь верить в чудеса!.. Однако, господа, в пятьдесят лет, право, не так-то легко взбираться на такую гору.

– Совершенно справедливо, сэр, – отвечал баронет ласково. – Не угодно ли вам присесть и немного отдохнуть после такого трудного путешествия. Нечего сказать, на тот утес довольно трудно подняться и по тропинке, а вот этот молодой человек, сэр, только что хотел спуститься с него помимо тропинки и, как вы думаете, зачем? Чтобы нарвать хорошенькой девушке букет цветов!

Незнакомец окинул внимательным взором сэра Вичерли, потом конюха и лошадку, после чего взглянул на Тома, лейтенанта и Доттона и, казалось, с привычной опытностью постиг уже характер и звание каждого из них, за исключением, может быть, одного только Тома; даже и о нем он составил себе довольно верное понятие. Он поклонился с вежливостью человека, умеющего ценить учтивость и без дальнейших церемоний занял предложенное ему место около сэра Вичерли.

– Не худо бы нам молодого человека взять с собой в море, – отвечал незнакомец на слова баронета, – это вылечило бы его от страсти собирать цветы в таких

опасных местах. В нынешнее военное время его величество имеет большую нужду в каждом из нас. Я уверен, по крайней мере, молодой человек, что вы не так давно проводите время на берегу с молоденькими девушками.

– Не более того, сэр, сколько мне нужно было, чтобы вылечить свою рану, полученную при взятии французского люгера, – отвечал Вичекомб довольно скромно, но и не без твердости.

– Люгера! Что ты скажешь, Атвуд? Уж не говорите ли вы об «Вольтижезе».

– Судно это действительно так называлось, сэр.

– Так я имею удовольствие видеть господина Вичекомба, молодого офицера, который командовал при этой атаке? – сказав это с самой лестной благосклонностью, незнакомец привстал и приподнял свою шляпу.

– Я действительно Вичекомб, сэр, хотя и не имел чести командовать судном, – отвечал лейтенант, покраснев и приветливо отвечая на поклон незнакомца, – потому что в деле участвовал один из лейтенантов нашего судна.

– Да, я все это хорошо знаю, но он был отражен, между тем как вы взяли люгер на abordаж и одержали над ним совершенную победу. Получили ли вы за это должное вознаграждение от нашего Адмиралтейств-совета?

– Я получил, сэр, все, чего только мог ожидать, потому что на той же неделе Адмиралтейство прислало мне патент на звание лейтенанта. Жаль только, что наши лорды поступили не совсем справедливо с господином Уальтоном, который получил в этом деле также жестокую рану и все время битвы вел себя храбро, неустрашимо, как и подобает английскому офицеру.

– Подобная награда, – сухо сказал незнакомец, – была бы величайшей несправедливостью со стороны адмиралтейства, потому что это значило бы наградить за неудачу, а вы согласитесь, молодой человек, что на войне выше всего – удача!.. А вот и наши молодцы, – прибавил он потом, – начинают показываться, Атвуд!

Это замечание обратило внимание всех на море, где в это время представилось зрелище, достойное восторга. Носившиеся доселе в воздухе пары сжались в плотную массу вышиной футов в сто, оставляя над собой совершенно ясное пространство. В нем были видны верхние части мачт с парусами той эскадры, о которой говорил незнакомец. Огромные пирамиды различных парусов одиннадцати кораблей и трех фрегатов, изредка колыхаясь, приближались к месту якорной стоянки, расположенной на пистолетный выстрел от берега, между тем как бом-брамсели и верхние части брамселей шлюпа возвышались над поверхностью тумана, подобно красивому монументу. Странно было то, что туман этот вместо того, чтобы подниматься, казалось, опускался и как бы катился по поверхности вод. Скоро показались и марсы линейных кораблей, на которых начинали появляться матросы.

– Посмотрите-ка, господин Доттон, кажется, на последнем корабле к востоку развевается флаг контр-адмирала?

– Да, я это вижу, – отвечал сигнальщик, – но взгляните на третий корабль с западной стороны и вы, верно, увидите там флаг вице-адмирала.

– Ваша правда, господин Доттон, – отвечал лейтенант. – Вероятно, это эскадра сэра Дигби Доуна.

– Нет, молодой человек, – отвечал незнакомец, думая, что этот вопрос относится к нему. – Это южная эскадра, и вице-адмиральский флаг, который вы видите, принадлежит сэру Джервезу Окесу. На другом же корабле находится контр-адмирал Блюатер.

– Заметьте себе, сэр Вичерли, что оба эти офицера всегда вместе, – добавил лейтенант. – Если вы услышите имя сэра Джервеза, оно уж наверное сопровождается и именем Блюатера. Признаюсь, такая дружба достойна внимания!

– Им и следует быть всегда вместе, господин Вичекомб, – отвечал незнакомец с умилением. – Оба они под начальством Брестгука начинали службу на «Мермеде». Когда Окес был переведен лейтенантом на фрегат «Сквайд», Блюатер последовал туда же в звании мичмана. Когда Окес был старшим лейтенантом корабля «Бритона», Блюатер был третьим. Вскоре потом за одно успешное дело против испанского флота Окес получил шлюп, и его друг

последовал за ним в звании старшего лейтенанта. В следующем году им посчастливилось овладеть судном, гораздо большим, нежели их собственное, и тогда только в первый раз им пришлось расстаться. Окесу дали фрегат, а Блюатеру – «Сквайда». Но и тут они крейсировали до тех пор вместе, пока старшему не дали брейд-вымпела и команды летучей эскадрой; тогда младший, произведенный в капитаны, принял своего товарища на свой фрегат. Таким образом служили они до той минуты, пока первый из них не поднял своего адмиральского флага, и с той поры оба моряка никогда уже не расставались.

В продолжение всего этого рассказа, передаваемого полусерьезным, полунасмешливым тоном, слушатели имели возможность рассмотреть незнакомца. Он был среднего роста с красноватым лицом, большим носом и светло-голубыми, живыми глазами; его рот, довольно правильный, выражал гораздо лучше его характер и привычки, нежели его одежда или беззаботная мина. Когда он перестал говорить, Доттон почтительно встал со своего места, снял шляпу и сказал:

– Хотя память часто нам изменяет, но мне кажется, что я имею честь видеть самого контр-адмирала Блюатера; я был штурманом на «Медвее», когда он командовал «Клоей»; и если двадцать пять лет не сделали в нем большей перемены, чем я предполагаю, то он теперь находится перед нами.

– Да, ваша память не совсем верна, господин Доттон, вы видите перед собой человека гораздо менее достойного, чем адмирал Блюатер. Я – сэр Джервез Окес.

При этих словах Доттон поклонился еще ниже, молодой Вичекомб также снял свою шляпу, а сэр Вичерли поспешно встал со своего места и представился адмиралу, с величайшим радушием предлагая ему и всем его офицерам гостеприимство своего замка.

– Вот поистине прямодушное, искреннее приглашение по старинному английскому обычаю! – воскликнул адмирал, ответив на поклон баронета и поблагодарив его за приглашение. – Какая необыкновенная сцена, Атвуд! – прибавил потом адмирал, обращаясь снова к морю. – Я часто видел корпуса судов, когда их мачты скрывались в тумане, но мне никогда еще не случалось видеть оснастку и паруса шестнадцати судов, движущихся в воздухе без самих корпусов! Мне не нравится только, зачем Блюатер так близко подходит к берегу. Впрочем, может быть, они не видят утесов; верите ли, господа, мы сами

тогда только увидели их, когда уже вступили на них ногой.

– Эта девятифунтовка, сэр, – сказал Доттон, – у нас на всякий случай всегда заряжена. Пусть только господин Вичекомб потрудится сбегать за огнем, а я в это время насыплю в затравку пороха, и через полминуты мы можем остановить движение эскадры.

Адмирал охотно согласился на это предложение, и наши моряки тотчас же приступили к исполнению его. Вичекомб поспешно отправился в домик сигнальщика за огнем, радуясь случаю осведомиться о здоровье своей возлюбленной Милдред; между тем Доттон достал пороховой рожок из сундука с артиллерийскими припасами, стоявшего у самой пушки, и приготовил все к выстрелу. Молодой человек воротился в одну минуту, и когда все было готово, он обратился к адмиралу в ожидании приказа.

– Стреляйте, господин Вичекомб! – закричал сэр Джервез улыбаясь. – Надеюсь, что это разбудит Блюатера и заставит его отвечать нам целым бортом своего корабля.

Выстрел был сделан, и за ним последовало минутное молчание. Потом туман, окружавший «Даунтлеса», на котором развевался флаг контр-адмирала, рассеялся; блеснула молния, и последовал громкий выстрел из тяжелого орудия. Почти в то же самое время на топе грот-мачты этого корабля показались три маленьких флага. Появившиеся флаги служили сигналом к постановке судов на якорь. Потом представилось зрелище много занимательнее всего, что видели до этой минуты наши наблюдатели. Веревки, прикрепляющие паруса, мгновенно зашевелились, и мало-помалу все паруса свернулись в фестоны, по-видимому, без всякого содействия рук человеческих. Отрезанные от всякого сообщения с морем или с корпусами, мачты, казалось, жили своей собственной жизнью; каждая из них разыгрывала свою роль независимо от остальных, имея, однако, какую-то общую цель. В несколько минут паруса были подвязаны, и вся эскадра расположилась спокойно на якорях. Тогда на верхних реях из-за тумана показалось множество людей, закрепляющих паруса.

Сэр Джервез Окес был так поражен этим для него совершенно новым зрелищем, что в продолжение всего этого времени не произнес ни слова.

Между тем солнце поднялось уже так высоко, что начало рассеивать туман. Скоро ветер усилился, погнал перед собой всю массу тумана и менее чем в десять минут совершенно его рассеял; тогда одно за другим начали появляться суда, и, наконец, вся эскадра представилась зрителям в полном своем блеске.

Глава IV

Пусть все идут за вами, исключая трех часовых и нашего начальника Израэля, которого мы ждем каждое мгновение.

Марино Фальери

Сэр Джервез, убедившись в безопасности своей эскадры, которая расположилась на якорях, вознамерился окончить скорее дела, для которых вышел на берег.

– Как ни очарователен этот вид, и как ни радуется он старого моряка, но всему должен быть конец! – сказал он. – Морские маневры для меня чрезвычайно интересны, тем более что мне так редко удается видеть их с такого выгодного места. Поэтому я надеюсь, сэр Вичерли, что вы извините меня за мою смелость и решительность, с которыми я появился на ваших высотах.

– Пожалуйста, без извинений, сэр Джервез! – отвечал баронет. – Хотя мыс этот и принадлежит мне, но он отдан в аренду казне, и, следовательно, никто не имеет большего права посещать его во всякое время, как служащий его величества. Правда, Вичекомб более частная собственность, но в нем нет двери, которая была бы закрыта для наших храбрых моряков. Дорога к нему, сэр, самая короткая, и ничто не может меня столь осчастливить, как самому указать вам путь к моему бедному жилищу и увидеть вас под его кровом таким же спокойным и раскованным, как и в собственной вашей каюте на «Плантагенете».

– Одно только ваше радушие, сэр, в состоянии сделать для меня ваш дом столь же приятным, как моя собственная каюта! Я принимаю ваше предложение так же прямодушно и искренне, как оно мне сделано. Но у меня есть к вам небольшая просьба: я и Атвуд вышли на берег единственно для того только,

чтобы отправить в Адмиралтейств-совет важные депеши, и потому мы были бы вам очень благодарны, если бы вы доставили нам возможность исполнить это скорейшим и надежнейшим образом.

– Не нужен ли вам, сэра, курьер, хорошо знакомый с местностью? – спросил лейтенант довольно скромно, но с пылкостью, обнаруживающей в нем самую пламенную ревность к службе.

Адмирал внимательно взглянул на лейтенанта, будучи, по-видимому, чрезвычайно доволен этим предложением.

– Умеете ли вы ездить верхом? – спросил он улыбаясь.

– Вы, вероятно, сэра, в шутку меня об этом спрашиваете? – отвечал Вичекомб. – Какой бы я был виргинец, если бы не умел ездить верхом?

– То же самое сказал бы вам Блюатер и о себе, как об англичанине, а между тем я не могу видеть его верхом на лошади, чтобы не пожелать о превращении ее в лисельспирт, выстреленный под ветер. Скажите мне, сэра, можно ли здесь достать теперь где-нибудь лошадь до ближайшей станции, откуда отходит дневная почта?

– Вполне возможно! – отвечал баронет. – Вот, например, хоть лошадь моего Дика, это такой славный бегун, лучше которого вы не найдете во всей Англии. Я надеюсь, что мой молодой тезка не откажется испытать его быстроту. Наша малая почта только что отправилась и теперь раньше суток не пойдет, но при быстрой езде еще можно успеть на большую дорогу до проезда большой лондонской почты, которая проходит через ближайший городок ровно в полдень. Надо проскакать десять миль туда и назад, и я ручаюсь за господина Вичекомба, что он успеет еще воротиться к нашему обеду.

Молодой Вичекомб с радостью изъявил готовность исполнить не только это, но и гораздо более важное поручение, и, таким образом, все было устроено как нельзя лучше. Получив от адмирала депеши и некоторые наставления, он сел на поданную ему Диком лошадь и менее чем в пять минут исчез из вида. Тогда сэра Джервез объявил себя на этот день совершенно свободным, приняв приглашение от баронета на завтрак и обед. Когда они собрались уже оставить сигнальную станцию, старик отозвал адмирала в сторону, прося его со

всевозможным уважением разрешить его сомнение.

– Сэр Джервез, – сказал он, – вы сами знаете, что я не моряк, следовательно, вы, верно, благосклонно простите мне какую-нибудь ошибку, если только она будет сделана в неведении. Я знаю, сэр, что на квартердеке соблюдается строгий этикет, которым нельзя пренебрегать, но, сэр, господин Доттон, наш сигнальщик – прекрасный человек, его отец был стряпчим соседнего города и во всей округе считался настоящим джентльменом – почтенный старик этот очень часто обедал у меня еще сорок лет тому назад.

– Кажется, я понимаю вас, сэр Вичерли, – прервал его адмирал, – и благодарю вас за то внимание, которое вы желаете оказать моим привычкам; но вы полный господин в своем владении, и потому я считал бы себя самым тягостным вашим гостем, если бы вы не позвали к своему столу всех, кого вам только угодно.

– Ну, это не совсем то, о чем я хотел просить вас, сэр Джервез. Доттон не более как штурман, а штурман на судне весьма отличен от штурмана на берегу, по крайней мере, мне всегда говорил так сам Доттон.

– Он прав в отношении королевских судов, но на других судах эти две должности почти одно и то же. Во всяком же случае, дорогой мой сэр Вичерли, мне кажется, что адмирал никогда не может унижить себя, находясь в обществе со штурманом, если только этот штурман человек порядочный. Впрочем, сэр Вичерли, позвольте мне самому пригласить господина Доттона к вашему обеду.

– Этого-то я и желал, сэр Джервез, – отвечал радостно баронет. – Теперь мой добрый Доттон будет счастливейшим человеком во всем Девоншире. Я желал бы, чтобы и миссис Доттон и Милли были также с нами, и тогда наш стол, как обыкновенно говаривал мой бедный братец Джеймс, имел бы самый геометрический вид. Он говорил, что все стороны и углы стола должны быть непременно надлежащим образом заняты.

Адмирал поклонился и, обращаясь к штурману, пригласил его к обеду баронета с той приятностью, которую он умел придавать своему обращению.

– Сэр Вичерли настаивает, – продолжал он, – чтоб я его стол воображал поставленным в моей собственной каюте. Поэтому я не нахожу лучшего средства выразить ему мою душевную благодарность, как вполне исполнить его

желание и наполнить дом его гостями, которые обоим нам будут приятны. Кажется, миссис Доттон и мисс, мисс...

– Милли, – подхватил баронет, – мисс Милдред Доттон, дочь нашего друга Доттона, леди, которая сделала бы честь лучшей гостиной Лондона.

– Вы видите, что наш добрый хозяин предугадывает желание старого холостяка и просит, чтобы дамы тоже не отказались от нашего общества. Мисс Милдред найдет между нами, по крайней мере, двух поклонников ее красоты, а мы, старики, будем вздыхать издали, не так ли, Атвуд?

– Моя Милли, – отвечал Доттон со всей учтивостью, какую только мог обнаружить в подобном случае, – не совсем была здорова сегодня утром, но я надеюсь, что она сумеет оценить честь, которую ей оказывают, и соберет силы, чтобы присутствовать на обеде и тем доказать свою искреннюю признательность. Что же касается жены, сэр, то я думаю, сэр Вичерли, что и она сегодня будет у вас, если только Милдред хоть сколько-нибудь оправилась.

После того собеседники расстались, и Доттон не надевал шляпы до тех пор, пока адмирал со всей компанией не скрылся за углом его дома. Тогда он вошел в свое жилище, чтоб сообщить своим домашним об ожидающей их чести.

Между тем общество сэра Вичерли направилось прямо к замку Вичекомбского поместья.

Деревня, или деревенька Вичекомб, лежала на половине дороги между сигнальной станцией и замком владельца поместья; она состояла из нескольких скромных домиков самого сельского вида и не имела ни лекаря, ни аптеки, ни стряпчего.

Неудивительно, что прибытие целой эскадры на тамошний рейд произвело в маленькой деревеньке большую тревогу.

Долго непроницаемый туман скрывал от почтенных обитателей деревеньки нежданных гостей, пока два выстрела не достигли их слуха, тогда эта важная новость очень быстро распространилась по всем окрестностям. Хотя поместье Вичекомб и не было видно с моря, однако его маленькие улицы уже были наполнены порядочным числом матросов, когда сэр Вичерли и его спутники

вступили в благословенные его пределы; каждое судно прислало на берег одну, а многие три и четыре лодки.

– Несмотря на туман, наши молодцы уже успели отыскать вашу деревеньку, сэра Вичерли, – заметил адмирал, рассматривая с веселым расположением духа полную жизни улицу.

– Но вот и сам адмирал Блюуатер идет сюда!

При этом внезапном известии взоры всех обратились в ту сторону, куда указывал секретарь; скоро на противоположном конце улицы они увидели человека, который своей походкой, наружностью, одеждой и манерами составлял поразительный контраст с живыми, веселыми и молодыми моряками, наполнявшими деревеньку. Адмирал Блюуатер был очень высок и худощав, а потому, как и все моряки такого телосложения, был сутуловат. Такая сутуловатость лишала его того бодрого и воинственного вида, которыми отличался его друг, но зато придавала ему то спокойствие и важность, которых не было в сэре Джервезе. На нем был контр-адмиральский мундир, который он носил всегда с такой небрежностью, которая показывала, как много он был убежден в той истине, что никакая тщательность не придаст его наружности воинственного вида. Несмотря на это, все на нем было красиво и внушало невольное к нему уважение.

Лишь только сэра Джервез заметил своего друга, как тотчас же изъявил желание обождать его, но радушный сэра Вичерли предложил своим гостям пойти ему навстречу. Между тем Блюуатер был до того рассеян, что не заметил даже приближающегося к нему общества, пока сэра Джервез, несколько опередив остальных, не заговорил с ним.

– Добрый день, Блюуатер! – начал он дружеским тоном. – Я очень рад, что ты оторвался хоть на часок от своего судна.

Контр-адмирал улыбнулся и приложил руку к шляпе. В это время к ним подошел сэра Вичерли со своим обществом, и тогда начались обыкновенные представления. Баронет с таким радушием убеждал нового своего знакомого присоединиться к числу его гостей, что тому почти невозможно было отказаться.

– Вы и сэра Джервез так настойчивы, сэра Вичерли, – отвечал Блюуатер, – что я должен согласиться на ваше предложение, но так как порядок нашей службы повелевает не отлучаться обоим адмиралам со своей эскадры на чужих рейдах, то я прошу вас вечером отпустить меня на корабль. Погода, кажется, установилась, и нам нечего опасаться на это время за свою эскадру.

– Ты вечно воображаешь, Блюуатер, будто наша эскадра лавирует среди страшной бури. Будь спокоен и пойдем отобедать с сэром Вичерли, у него мы, верно, найдем какую-нибудь лондонскую газету, которая познакомит нас с настоящим положением отечества. Нет ли каких-нибудь известий, сэра Вичерли, о нашей армии во Фландрии?

– Там все по-прежнему, – отвечал баронет, – после того ужасного дела, в котором герцог победил французов у... у... вот никак не могу запомнить ни одного иностранного слова; оно намекает еще на крещение, что ли!..

– Мне кажется, – заметил хладнокровно секретарь, – что сэра Вичерли Вичекомб говорит о битве, которая происходила в прошлую весну у Фон... Фонт... а фонт[2 - Fonts – купель.], кажется, в порядочной связи с самим крещением...

– Так и есть, так и есть, – сказал сэра Вичерли с некоторым жаром, – Фонтенуа действительно то место, где герцог непременно обратил бы в бегство маршала Саксонского и переколотил бы всех его лягушкоедов, если бы наши союзники, голландцы и германцы, вели себя получше. Уж такая участь нашей бедной Англии: что она приобретет собственными силами, то и потеряет через своих союзников.

На лице сэра Джервеза мелькнула ироническая улыбка, между тем как его друг сохранил всегдашнюю свою важность.

– Кажется, «великая» нация и маршал Саксонский рассказывают дело совсем иначе, – заметил он. – Недурно вспомнить, сэра Вичерли, что каждая вещь имеет две стороны. Чтобы ни говорили о Деттингене[3 - При Деттингене Георг II разбил французов 27 июня 1743 года. В битве же при Фонтенуа, 11 марта 1745 года, соединенные армии голландцев и англичан под начальством герцога Кумберлендского были разбиты маршалом Саксонским, что повлекло за собой потерю Турне и всей Фландрии. (Примеч. авт.)], а за Фонтенуа история не украсит его величество, нашего короля, победным венком.

– Уж не считаете ли вы возможностью, сэра Джервез, чтобы французское оружие могло одолеть британскую армию? Мне кажется, что подумать только об этом – есть уже измена.

– О нет, сохрани меня Бог от этого, дорогой мой сэра! Я так же далек от подобной мысли, как сам герцог Кумберлендский, хотя в жилах его, мимоходом сказать, столько же английской крови, сколько в Балтике воды Средиземного моря, не так ли, Атвуд? Вот мой секретарь, сэра Вичерли, дело другое: у него уж природная привязанность к претенденту и всему клану Стюартов.

– Не может быть, сэра Джервез, не может быть! – воскликнул баронет с жаром и с некоторым беспокойством, потому что его преданность новому дому была чиста и бескорыстна. – Господин Атвуд, кажется, человек слишком рассудительный и потому легко может видеть, на чьей стороне настоящее, несомненное право.

– Ваша правда, сэра Вичерли, – отвечал адмирал. – Я не хочу представлять вам своего друга в ложном виде и потому скажу вам, что хотя шотландская кровь и клонит его к тори, но английский рассудок обращает его в вигу. Если бы Карл Стюарт решительно не мог взойти на престол без помощи Атвуда, мой Атвуд и тогда не погнался бы за честолюбием.

– Я так и думал, сэра Джервез, – отвечал обрадованный баронет. – Ваш секретарь не может быть приверженцем династии, которая хочет все основать на каком-то «повиновении, чуждом малейшего сопротивления». С этим, вероятно, согласится и адмирал Блюатер.

В прекрасных глазах Блюатера промелькнула самая тонкая ирония, но он умел скрыть ее и отвечал на слова баронета одним только наклоном головы. Надо заметить, что Блюатер был якобит[4 - Так назывались приверженцы Иакова III и его сына Карла Эдуарда.], чего, впрочем, никто не знал, исключая его ближайшего друга сэра Джервеза. Несмотря на совершенную противоположность политических мнений сэра Джервеза и Блюатера, первый столько же был предан вигам, сколько последний тори, – согласие между ними никогда не нарушалось. Что же касается до верноподданничества, то сэра Джервез так хорошо знал своего друга, что считал самым лучшим средством удержать его от явной или тайной измены – это вручить ему под начальство хоть целый флот Англии. Он знал также, что чем неограниченнее будет власть Блюатера, тем более можно ему довериться, и что если когда-нибудь настанет решительная минута, в которую он вознамерится оставить службу

Ганноверскому Дому, то он сделает это открыто и присоединится к неприятельскому знамени, не употребляя во зло оказанного ему прежде доверия.

– Нет, – отвечал сэр Джервез Окес на замечание баронета, и важное, задумчивое выражение лица его ясно показывало, как мало в эту минуту чувства его согласовывались со словами. – Нет, сэр Вичерли, на линейном корабле не имеют даже понятия о том, что вы говорите; это учение папистов и тори. Посмотрите, как призадумался Блюатер, – продолжал он, – вероятно, он соображает теперь, как бы удачнее нагряться ему на Monsieur de Gravelin, если только судьба снова сведет его с этим джентльменом; итак, если никто ничего не имеет против наших политических смут, перейдем лучше к другому предмету.

– С большим удовольствием, – отвечал добродушный баронет. – Нам мало пользы долее толковать о деле претендента, потому что его, кажется, вовсе позабыли после недавней неудачи Людовика XV.

– Да, Норрис раздавил ехидну в самом ее зародыше, и нам, кажется, можно считать это дело конченным.

– Так считал это дело и мой брат Томас. Он говорил мне однажды, что все двенадцать наших судей решительно отвергают требования претендента и что Стюартам нечего от них ожидать.

– А сказал ли он вам, – спокойно спросил Блюатер, – на каком основании эти ученые мужи сделали такое мудрое решение?

– Да, он сказал мне, потому что хорошо знал мое ревностное желание иметь орудие против тори. Но я не в силах повторить слышанного. Несмотря на то, я очень хорошо помню, что все это было основано на акте парламента, а так как Ганноверский Дом утвержден на престоле актом парламента, то никакое судилище в мире не может отменить этого акта.

– Весьма понятно, сэр, – продолжал Блюатер. – Позвольте мне только заметить, что ваше извинение насчет вашей памяти было вовсе лишнее. Мне хотелось бы знать теперь, объяснил ли вам брат хорошенько, что такое акт парламента? Король, лорды и депутаты – все нужны для утверждения парламентского акта.

– Разумеется, сэра, разумеется, нам, бедным жителям твердой земли, как и вам, морякам, это очень хорошо известно. Известно также и то, что наследие Ганноверского Дома было утверждено всеми тремя званиями.

– И королем?

– И королем! Или, что еще для нашего брата, холостяка, важнее, королевой! Королева Анна скрепила этот акт, и он сделался актом парламента.

– Кто же подкрепил акт возведения Анны на престол? Или она взошла на него по праву наследования? Обе они, Мария и Анна, были королевами в силу актов парламента, но мы должны посмотреть назад, должны найти акт, подписанный государем, носившем корону по праву наследования.

– Довольно, Блюуатер, – прервал его сэра Джервез, – пожалуй, сэра Вичерли подумает, что он находится в обществе двух отчаянных якобитов. Стюарты были свержены с престола революцией, которая происходит по законам природы и допускается Богом и которая, одерживая верх, опровергает всевозможные законы, что было и в настоящем случае. А вот и ворота вашего парка, сэра Вичерли, а там, далее, вероятно, и ваш замок?

Глава V

Монарх и министр имена внушительные. Тот, кто их носит, имеет право на нашу службу.

Юнг

План нашего повествования не требует от нас подробного описания жилища сэра Вичерли. Как и все здания того времени, оно имело длинные, низенькие окна, приличной величины приемную, выложенные панелью комнаты, стены с бойницами и на углах небольшие башенки.

По прибытии гостей адмиралам тотчас отвели по две комнаты, рядом же поместили на всякий случай и Атвуда. Сэра Вичерли был от природы чрезвычайно

гостеприимен. Он уже успел убедить сэра Джервеза остаться у него ночевать, но не знал еще, уговорит ли Блюатера. Для Доттона, его супруги и дочери было также приказано приготовить все нужное для ночлега, равно как и для молодого Вичекомба, который, вероятно, должен был воротиться к ночи.

В надлежащий час сэр Вичерли послал свою карету за семейством Доттона, и скоро все общество собралось в столовой к обеду.

Возвратившись с полевых работ, баронет нашел уже в своем доме миссис Доттон с Милдред и Тома, принявшего на себя обязанность хозяина. Относительно Доттона и его дочери мы только скажем, что первый был одет в лучший мундир свой, простой, но приличный, последняя же успела уже совершенно оправиться от недавнего недуга, что было ясно видно по яркому румянцу, игравшему на ее прекрасном личике. Одежда ее была проста, мила и как нельзя более шла к ней. В честь хозяина она надела самое лучшее свое платье, но оно совершенно соответствовало ее званию, несмотря на немногие украшения, которые, окружая ее скромным изяществом, невольно заставляли считать ее гораздо выше того сословия, к которому она действительно принадлежала. Миссис Доттон, дочь управляющего помещика Девонширского графства, была еще прекрасная женщина, в полном смысле этого слова, хотя в ее задумчивом лице и были заметны страдание и печаль, которые она напрасно старалась скрыть.

Баронет так привык к своим скромным соседям, что между ними установилась искренняя дружба. Войдя в столовую, он пожал руку каждому с истинным радушием, выражая миссис Доттон свое удовольствие видеть ее у себя и поздравляя Милдред с совершенным выздоровлением.

– Я вижу, что Том был довольно внимателен к своей обязанности, – сказал он, – пока я разбирал жалобу одного работника на браконьера. Странно, что молодой наш Вичерли не воротился еще до сих пор, хотя прошло уже более двух часов сверх назначенного ему времени; господин Атвуд говорит, что адмирал начинает беспокоиться о своих депешах. Но хотя господин Вичекомб мне и не родственник, а только однофамилец, и притом уроженец Виргинии, однако я готов за него поручиться кому угодно, готов уверить адмирала, что его депеши в полной безопасности, что бы ни случилось с посланным.

– И отчего же виргинцу не быть столь же точным и достойным доверия, как и англичанину, сэр Вичерли? – спросила миссис Доттон. – Он такой же англичанин, как и мы, только родившийся по другую сторону океана.

Слова эти были сказаны самым мягким голосом, будто привыкшим находиться под влиянием робости; но при всем том они были произнесены с решительностью и не без упрека, между тем как взоры говорившей с естественным участием покоились на милом личике Милдред.

– Довольно справедливо, миссис Доттон, довольно справедливо! – отвечал баронет. – Они такие же англичане, как и мы, только родившиеся вне королевства, а потому несколько от нас и отличные.

– Господин Вичерли Вичекомб, – сказал Доттон, – человек, достойный уважения; я слышал, что при всей своей молодости он отличный моряк. Правда, он не имеет чести принадлежать к вашей фамилии, сэра Вичерли, как, например, господин Том, но зато он способен, как мне кажется, сам составить себе имя. Если бы он командовал судном и совершил такой подвиг, какой совершил будучи мичманом, его величество возвел бы его в дворянское достоинство, и тогда было бы у нас два сэра Вичерли Вичекомба.

– Надеюсь, что нет! – воскликнул баронет. – Англия так же не может иметь двух сэров Вичерли, как мир – два солнца. Не правда ли, мисс Милдред?

Сказав это, баронет засмеялся, делая вид, будто он шутит, но так как вопрос относился прямо к смущенной девушке, то она и принуждена была отвечать.

– Я думаю, что господин Вичекомб никогда не достигнет такого высокого звания, чтобы поставить вас в столь затруднительное положение, – сказала она, – если же это и случилось бы, то, мне кажется, что права господина Вичекомба были бы точно такие же, как и всякого другого, и он должен бы был носить свое имя.

– В таком случае, – сказал Том, – мы ничего не могли бы возразить против его дворянства, потому что дворянство исходит от короля, а король может и трубочиста сделать дворянином; но что касается имени, то мне кажется, что дорогой мой дядюшка был бы не прав не потребовать наследования прав господина на одно или оба имени, которые он бог знает почему носит.

Насмешка и злоба, с которыми говорил все это Том, не могли укрыться от присутствующих, и потому Доттон и его жена сочли неприличным продолжать этот разговор. Но последняя не могла не покраснеть, взглянув на взволнованную

Милдред, которую невольное чувство негодования заставляло отвечать на слова Тома.

– Мы знаем уже господина Вичекомба несколько месяцев, – заметила Милдред довольно спокойно, устремляя свои большие голубые глаза на мрачное лицо Тома, – и при всем том ни разу еще не заметили в нем ничего такого, что могло бы заставить нас думать, будто он способен присвоить себе чужое имя, не имея на то никакого права.

Это было сказано скромно, без всякого жара, но так решительно, что каждое почти слово проникало прямо в душу Тома Вичекомба; он бросил быстрый, подозрительный взгляд на прекрасную Милдред, как бы желая удостовериться, не намекает ли она на него самого, но встречая в ней одно только великодушное сочувствие к лейтенанту, он опомнился и отвечал довольно хладнокровно.

– Мне кажется, – сказал он смеясь, – что нам, молодым людям, непременно надо побывать на утесе и покачаться там на веревке из-за какого-нибудь цветочка, чтобы возбудить участие мисс Милдред, тогда она, может быть, и нас защитила бы во время нашего отсутствия от всяких нападков.

– Я надеюсь, сэра Вичерли, что я не сказала ничего вам неприятного, – возразила Милдред с чувством, и краска, разлившаяся по ее лицу, сделала ее еще прекраснее. – Я хотела только сказать, что господин Вичекомб не способен носить чужое имя, не имея на него права.

– Милое мое дитя! – сказал баронет, взяв опечаленную девушку за руку и целуя ее в щеку с отцовской нежностью, – тебе трудно обидеть меня, будь уверена, что я даже готов уступить молодому человеку оба мои имени, если только ты этого желаешь!

– Ведь и я хотел только сказать, мисс Милдред, – снова сказал Том, опасаясь, что он зашел слишком уж далеко, – и я хотел только сказать, что господин Вичекомб – безвинно, может быть, сам не зная как, получил оба имени, которые так долго принадлежали одной из древнейших и почтеннейших фамилий Англии. Мало ли есть молодых людей, которые достойны быть графами, князьями, а между тем законы считают их...

Тут Том остановился, желая подыскать название, которое было бы наиболее точным, как баронет прибавил:

– *Filius nullius* – вот настоящее слово. Том, я слышал его из уст твоего покойного отца.

Том вздрогнул и со страхом осмотрелся, будто желая увериться, не подозревает ли кто-нибудь истину. Потом снова начал говорить, желая воротить благосклонность Милдред, которой слишком дорожил:

– *Filius nullius*, мисс Милдред, вполне выражает то, что я хотел сказать, – человека без законного происхождения. Мне говорили, что в колониях весьма обыкновенно принято принимать имена наших знаменитых фамилий и потом выдавать себя за их родственников.

– Я никогда не слышала, сэр, ни одного слова от господина Вичекомба, из которого можно бы было заключить, что он считает себя родственником вашего дома, – отвечала Милдред спокойно, но решительно.

– А слышали ли вы когда-нибудь, мисс Милдред, чтоб он сказал, что он нам не родня?

– Нет, я этого никогда не слышала, сэр.

Приход сэра Джервеза Океса прекратил этот разговор. Вице-адмирал был, по-видимому, в самом веселом расположении духа.

– Если б только можно было, сэр Вичерли, взять с собой в море все удобства вашего дома и все милые лица, которые теперь меня окружают, нашему отшельничеству пришел бы конец! – весело сказал сэр Джервез после обычных приветствий.

– Мой дом, сэр Джервез, – отвечал хозяин, – совершенно к вашим услугам.

– А, наконец-то, и ты сюда пожаловал! – воскликнул вице-адмирал, обращаясь к входящему Блюуатеру. – Я уверен, сэр Вичерли, что мой товарищ слово в слово повторит все, что я сейчас имел удовольствие вам говорить. Я рассказываю сэру

Вичерли, Блюатер, о том неизъяснимом удовольствии, которое мы испытываем теперь под этой кровлей, среди очаровательных дам, которые распространяют вокруг себя такое завидное счастье!

Блюатер успел уже поклониться миссис Доттон, но тут взор его остановился на Милдред и остался на минуту прикованным к ней.

– Сэр Джервез столь опытный поклонник дамского пола, – сказал он, оправившись после минутного молчания, – что я вовсе не удивляюсь его восторгам. Но соленая вода всегда производит на него свое обычное действие, – в этом я хорошо уверен; его верная подруга – судно, которое одно только в состоянии привязать его к себе и сделать постоянным.

– Да, я, кажется, имею право сказать, что одному ему сохранил я постоянную верность. Не знаю, как бывает с вами, сэр Вичерли, а я к чему привыкну, то и люблю.

– Это происходит оттого, Джервез, что ты никогда еще не бросал судна до тех пор, пока оно сколько-нибудь было способно ходить в открытое море. «Плантагенет», сэр Вичерли, одно из быстроходнейших двухдечных судов на службе его величества, и сэр Джервез знает это так хорошо, что уж наверное не передаст его никому из нас, пока оно не придет в совершенную негодность.

– Пусть так, если хотите, это показывает только, что я выбираю своих друзей не по дурным их качествам. Но позвольте, прекрасная леди, спросить вас, – сказал адмирал Окес, обращаясь к Милдред, – знаете ли вы господина Вичекомба, однофамильца нашего дорогого хозяина, служащего лейтенантом во флоте его величества?

– Знаю, сэр Джервез! – отвечала Милдред, потупив глаза и трепеща, сама не зная отчего. – Господин Вичекомб уже несколько месяцев живет по соседству, и мы все его очень хорошо знаем.

– Скажите же мне, миледи, всегда ли он медлителен в исполнении возложенной на него обязанности? Этим я не спрашиваю, медлит ли он при исполнении ваших поручений, а хочу только узнать, может ли он, например, на хорошем бегуне проскакать миль двадцать за восемь или десять часов?

– Не могу вам сказать, сэр. Я думаю, сэр Вичерли лучше меня знает об этом.

– Во всяком случае я убедился, что он не так скор, как «Плантагенет», – отвечал сэр Джервез. – В самом деле, молодому человеку пора бы уже давно воротиться.

– Я сам удивляюсь, что он так долго не возвращается, – отвечал баронет. – Он вообще проворен, знает хорошо нашу местность и во всем графстве нет ездока искуснее его, – кажется, нет, мисс Милдред?

Милдред не сочла нужным отвечать на этот вопрос; но как она ни старалась скрывать своих чувств, после происшествия на утесе, однако не могла преодолеть себя, и при одной мысли о новой опасности, в которой, может быть, находится лейтенант, милое ее личико покрылось живым румянцем, который еще больше заиграл от вопроса баронета. Чтобы скрыть свое смущение, она отвернулась и встретила взгляд Тома, устремленный на нее с такой мрачностью, что она невольно затрепетала. К счастью ее, сэр Джервез обратился в эту минуту к своему другу, Блюатеру, с которым и направился в другой конец длинной комнаты, говоря вполголоса.

– Хорошо еще, Блюатер, что Атвуд взял с собой на берег два экземпляра моих депеш; если этот нерасторопный лейтенант не воротится к обеду, я отправлю другого курьера. Донесение мое слишком важно, чтоб с ним можно было шутить; отечество наше в затруднительном положении; я привел свою эскадру на север, чтобы в случае надобности быть готовым оказать должную помощь, и потому с моей стороны было бы преступлением не уведомить немедленно свое министерство о причинах, побудивших меня к этому.

– Если б вы его и не уведомляли, оно все-таки знало бы столько, сколько я знаю, – отвечал Блюатер с колкостью, но без малейшей горечи. – Единственное преимущество, которое я имею перед ним, состоит разве в том только, что я знаю, где эскадра, тогда как этого не знает и первый лорд Адмиралтейства.

– Правда твоя, я забыл тебе сказать обо всем, друг мой, но ты должен догадаться, что, вероятно, тут есть что-нибудь такое, о чем с тобой лучше и не совещаться. Я получил важные известия, которые моя обязанность, как главнокомандующего, требует сохранить в тайне.

Сэр Джервез улыбнулся, хотя видно было, что он в досаде и замешательстве. Между тем Блюуатер не обнаружил ни того ни другого, но сильное, почти непреодолимое любопытство – чувство, которому он вообще не был подвержен, ясно отражалось в глазах его и во всем лице. Несмотря на то, привычная подчиненность старшему и сила дисциплины не позволяли ему ожидать от своего друга еще чего-нибудь. В эту минуту дверь отворилась, и лейтенант Вичекомб вошел в комнату, только что успев соскочить с лошади. Надобно было только взглянуть на его поспешность и вообще на всю его наружность, чтобы убедиться, что он имеет сообщить что-то важное, но сэр Джервез сделал ему знак, чтоб он молчал.

– Нас призывает служба, сэр Вичерли, – сказал он, – и я надеюсь, что нас извинят, если мы оставим это помещение на несколько минут. Прошу ваше милое общество сесть за стол; вы же много меня обяжете, сэр, если будете обращаться с нами как со старыми друзьями. Адмирал Блюуатер, не угодно ли вам участвовать в нашей конференции?

Оба адмирала и лейтенант, не говоря более ни слова, прошли в комнату сэра Джервеза, который, затворив за собой дверь, обратился к Вичекомбу с видом начальника.

– Я встретил бы вас с упреком за вашу медлительность, молодой человек, – сказал он, – если бы не заключил по вашей наружности, что какое-то важное обстоятельство было тому причиной. Может быть, вы опоздали на почту, сэр?

– Никак нет, адмирал, – отвечал лейтенант. – Я наверное знаю, что ваши депеши уже несколько часов, как отправлены в Лондон. Я прибыл на почту вовремя.

– Гм! На «Плантагенете» так заведено, что офицер, исполнив какое-нибудь важное поручение, тотчас доносит об этом своему начальнику.

– Это правило, сэр Джервез, исполняется на всех судах его величества; но меня учили также, сэр, что уместное благоразумие, если только оно не противно отданным приказаниям, даже если иногда и противно, но влечет за собой пользу, служит вернейшим признаком толкового офицера, а не раболепного исполнителя одних только правил.

– Довольно справедливо, молодой человек, но это можно еще позволить капитанам, а не лейтенантам, – отвечал вице-адмирал, взглянув на своего друга и удивляясь про себя уму юноши. – Благоразумие – слово относительное, которое, будучи применимо к различным лицам, имеет различное значение. Осмелюсь спросить, господин Вичекомб, что вы, в настоящем случае, понимаете под словом благоразумие?

– Я постараюсь теперь подробнее передать вам все, что я узнал по дороге. Ожидая отъезда лондонской почты с вашими депешами и желая дать небольшой отдых своей лошади, я увидел прибывшую почтовую коляску с каким-то джентльменом, который ехал в свое ближайшее поместье и который, сколько можно было заметить, принадлежал к партии якобитов. Он имел довольно долгое и тайное совещание с другим человеком, после чего поднялась такая беготня и розыски, что я не мог не подумать, что, вероятно, тут случилось что-нибудь важное. Я пошел в конюшню, чтоб взглянуть на лошадь сэра Вичерли, который, как я знал, очень дорожил этим животным, и увидел там двух лакеев неизвестных джентльменов, между собой разговаривающих. Один из них сказал мне, что до отъезда их из Эксетера получены туда весьма важные известия. Известия эти, сэр, состояли в том, что «Карл уже не за морями»[5 - Пародия на песенку шотландских якобитов.]. Я счел излишним расспрашивать более дурака слугу, и хотя в гостинице все заметили странность свидания двух путешественников, однако никто не мог мне сказать ничего положительного. Поэтому я взял место в коляске и отправился в Фоуей, где меня встретило весьма важное известие, что принц Карл действительно вышел на берег и теперь в Шотландии!

– Итак претендент, в самом деле, снова среди нас! – воскликнул сэр Джервез, будто уже и прежде знал об этом.

– Не претендент, сэр Джервез, как я понял известие, – отвечал Вичекомб, – а его младший сын, принц Карл Эдуард, который гораздо более может беспокоить государство. Известие это, сэр, несомненно, и я, думая, что оно должно быть весьма важным для командующего эскадрой, которая расположена ныне близ Вичекомба, не теряя ни минуты, поспешил сюда.

– Вы сделали прекрасно, молодой человек, и доказали, что благоразумие в лейтенанте так же полезно и достойно уважения, как и в адмирале. Ступайте же теперь и займите местечко подле одной из прекраснейших девушек Англии, где я надеюсь через несколько минут вас увидеть. Ведь это славная новость,

Блюатер! – продолжал он, когда Вичерли вышел.

– Да. Но она, я думаю, все та же или, по крайней мере, в большой связи с той, которую вы отослали с последними своими депешами к первому лорду. Она, сколько я заметил, вовсе не удивила вас.

– Почти нет. Ты знаешь, какие верные известия получали мы всегда от своего агента в Бордо; в последнее время он присылал мне такие важные сообщения о предпринимаемой экспедиции, что я решил подвинуть свою эскадру к северу, чтобы она при первой надобности могла оказать должную помощь.

– Слава Богу, до Шотландии довольно далеко, и мы навряд ли успеем достигнуть ее берегов прежде, чем все решится! Жаль, что мы не расспросили молодого человека, имеет ли принц с собой какие-нибудь морские силы. Не послать ли за ним, чтоб узнать об этом?

– Лучше, если ты, Блюатер, останешься в этом деле посторонним. Я даю тебе обещание уведомлять тебя обо всем, что только сам услышу, и потому надеюсь, что этого будет для тебя вполне довольно.

После этого разговора наши адмиралы разошлись и через некоторое время снова возвратились к обществу, их ожидавшему. Полученное известие было так важно, что не могло быть легко принято, и потому каждый из наших ветеранов почти с четверть часа расхаживал по своей комнате, рассуждая о последствиях этого дела для государства и самого себя. Сэр Джервез уже был приготовлен несколько к подобному известию и потому был гораздо менее удивлен, чем его друг; несмотря на то, он считал это событие чрезвычайно важным и способным надолго расстроить благополучие всей нации и спокойствие семейств. В Англии было тогда, как и теперь, как вероятно и всегда будет, две партии: одна приверженная минувшему, со всеми его наследственными и законными правами, другая же ожидала выгод и почестей от всяких предстоящих переворотов.

Как сэр Джервез Окес, так и Блюатер были уверены, что каждый из них действовал согласно основным своим правилам, между тем как их поступки были только следствием их преданности Домам: Брауншвейгскому и Стюартов. Может быть, во всей Англии не было двух людей, которые бы менее их подвергались влиянию поступков, заслуживающих порицания; и между тем, как все их мысли были всегда между собой сходны, в одном этом они были прямо

противоположны. В продолжение многолетней и трудной своей службы они всегда были вместе, и зависть, недоверчивость и несогласие оставались для них чуждыми; каждый из них был уверен, что честь, счастье и польза одного столь же дороги были его другу, как и ему самому. Теперь же, в первый раз в жизни, обстоятельства угрожали им разрывом; заставляя их действовать, они ставили их даже в открытую вражду друг против друга. Неудивительно после этого, что оба они смотрели в будущее с мрачным предчувствием и с недоверчивостью, которые если и не делали их несчастными, то по крайней мере очень беспокоили.

Глава VI

Круг образован, они уселись молча, как цифры на циферблате солнечных часов. «Да, сударыня» и «нет, сударыня» показывают каждые пять минут, как уходят минуты.

Коупер

Мы считаем излишним говорить, что Англия в отношении цивилизации за сто лет перед тем далеко уступала в этом нынешней Англии. Нынче можно отправиться утром к обеду в поместье, лежащее за шестьдесят или восемьдесят миль, и притом на паре лошадей; но в 1745 году, чтобы исполнить такое намерение, надобно было пуститься в путь за день, а во многих частях Англии для большей верности и за два. Поэтому неудивительно, что якобит, ехавший в свое поместье, старанием ревностных политических разведчиков, получил известие о высадке претендента на берег Англии несколькими часами раньше, чем оно дошло бы до него обыкновенным путем, по почте. Немногие слова, которые он, или лучше сказать его слуга, произнес на этот счет, распространились между посетителями гостиницы весьма неясно и неточно. Вичекомб с большим благоразумием умел довольно подробно обо всем разведать и, как опытный офицер, приобретенные сведения сохранить единственно для сэра Джервеза. Когда адмирал снова возвратился к обществу, ожидавшему его в столовой, он увидел, что сэр Вичерли ничего не знал еще о случившемся на севере, и его взгляд выразил лейтенанту полную признательность за такую похвальную воздержанность; этот, по-видимому, маловажный поступок возвысил молодого человека в глазах опытного адмирала более, чем самая храбрость, за которую он

получил повышение. Впрочем, благодарность, которую сэр Джервез желал выразить Вичекомбу, основывалась только на общем достоинстве этого поступка, потому что не было никакой надобности скрывать подобное известие от столь испытанного вига, каковым являлся сэр Вичерли. Напротив, чем скорее это известие распространилось бы в окрестностях, тем лучше бы было для правого дела. Вследствие этого вице-адмирал решился, когда сядут за стол, сообщить обществу тайну, сохранение которой молодым человеком он ставил так высоко. Лишь только вошел Блюатер, сэр Вичерли подвел миссис Доттон к столу. В гостях, по-видимому, не произошло ни малейшей перемены; один только сэр Джервез изменил немного костюм свой, надев через плечо красную ленту, как знак того, что он открыто поднял знамя Ганноверского Дома; по крайней мере, так думал Блюатер.

– Кто бы мог подумать, сэр Вичерли, – начал вице-адмирал, окинув всех взором, – что это милое общество сядет за ваш гостеприимный стол среди угрожающей междоусобной войны, если и не совершенного переворота.

Все остались неподвижными, глядя на говорившего: даже адмирал Блюатер серьезно взглянул на своего друга, ожидая, чем все это кончится.

– Кажется, хозяйство мое в должном порядке? – отвечал сэр Вичерли, озираясь направо и налево, будто ожидая, что его дворецкий первый возмутится. – И мне кажется, что единственная перемена, какую мы сегодня увидим, будет состоять в перемене блюд!

– Да, так говорит добрый баронет Девоншира, сидя за своим столом и окруженный своими друзьями и достатком. Но не то делается теперь в нашей доброй Англии. Я думаю, сэр Вичерли, господин Доттон и вы, прекрасная миледи, я предполагаю, что все вы, вероятно, слышали о претенденте, может быть, некоторые из вас даже видели его?

При этих словах добрый баронет выронил из рук вилку и нож, глядя с удивлением на говорящего.

– Я всегда говорил моему покойному брату, судье Томасу, что через этих проклятых французов, папу и незаконного потомка короля Иакова II у нас в Англии еще не раз будет беспокойство! И вот, сэр, мои предсказания, кажется, сбылись!

– Относительно Англии – нет еще, сэра; что же касается Шотландии, то новости оттуда не совсем благоприятны; вот ваш однофамилец привез нам известие, что сын претендента высадился в Шотландии и собирает кланы. Он, кажется, прибыл туда вовсе без французов и совершенно отдался тамошнему дворянству, принявшему его сторону, и приверженцам своего дома.

– Вот поистине рыцарский, достойный принца поступок! – воскликнул адмирал Блюатер.

– Да, если не сумасбродный! Англию нельзя покорить толпой полунагих шотландцев.

– Справедливо, но Англия легко может быть побеждена Англией.

Сэр Джервез почел за лучшее замолчать, потому что Блюатер, по-видимому, никогда еще не был так близок изменить своим политическим склонностям в присутствии посторонних, как в настоящую минуту.

– Эти покушения на английский престол столь ничтожного мальчишки, как претендент, так меня поражают, что я едва могу говорить о нем хладнокровно! – сказал Том. – Всем нам очень хорошо известно, что его отец подкидыш, а сын подкидыша имеет так же мало прав на престол, как и его отец. Я не помню хорошенько, как закон называет таких претендентов, кажется...

– *Filius nullius*, Том! – сказал сэр Вичерли, довольно торопливо, желая выказать свою ученость. – Это самое точное выражение. Я узнал его от своего брата Тома по весьма важному случаю, требовавшему от меня знания этого предмета.

Несмотря на наглость и решительность Тома проложить себе каким бы то ни было образом дорогу в свет, он чувствовал, что щеки его сильно покраснелись от столь неожиданного, хотя и без цели сказанного намека его почтенного дядюшки, и потому он невольно отвернулся в сторону, желая скрыть свое смущение. Между тем сэр Джервез внутренне улыбался глубокой учености почтенного баронета и, обращаясь в веселом расположении духа к своему другу Блюатеру, с сильным желанием восстановить прежние приятельские с ним отношения, сказал ему с искусно скрытой иронией:

– Сэр Вичерли, кажется, прав, Блюатер, подкидыш то же, что никто, а сын такого никто, ясно – *filius nullius*. Но перестанем толковать об этом.

Если люди так же хорошо знают и понимают друг друга, как знали и понимали друг друга наши адмиралы, вероятно, они найдут тысячу средств к достижению, равно как и восстановлению дружбы. Блюатер очень хорошо видел, что сэр Джервез был гораздо выше понятий недалёковидных вигов того времени, веровавших в сказку о незаконнорожденности претендента, и скрытый иронический намек, сделанный Окесом на этот счет, весьма сильно подействовал на его охлаждение, чего только и желал благородный друг его.

Из уважения к своим гостям сэр Вичерли согласился переменить разговор, хотя он и был чрезвычайно озадачен явным нерасположением адмиралов говорить о предмете, который, по его мнению, должен был сильно интересовать каждого англичанина. Бедному Тому так досталось, что он уже не решался более говорить в продолжение обеда; а остальные довольствовались тем, что ели и пили, будто им вовсе ничего не было известно о случившемся.

Скоро все очень хорошо заметили, что адмирал Блюатер был совершенно поражен красотой и неподдельной искренностью Милдред; но при всем том никто не мог принять его отеческого и откровенного обращения с ней за какое-нибудь пылкое, восторженное чувство, не приличное ни его летам, ни званию, ни опытности. Миссис Доттон была слишком далека от того, чтобы внимание, обращаемое Блюатером на ее дочь, могло ее беспокоить; напротив, она чувствовала удовольствие, даже маленькую гордость, будучи вполне убеждена, что она вправе гордиться. Мы уже сказали прежде, что миссис Доттон была дочь управителя поместья какого-то девонширского дворянина, теперь мы считаем не лишним прибавить, что она была любимицей дочерей этого дворянина и вместе с ними получила весьма хорошее воспитание. Леди Вильметер, мать этих девушек, была того мнения, что воспитание, которое она даст Марте Рей, – фамилия миссис Доттон до ее замужества, – может впоследствии принести ей большую пользу, дав ей возможность сделаться гувернанткой; этой доброй даме не приходило тогда в голову, что она готовит молодой девушке жизнь, которая не могла быть завидной, особенно за сто лет перед этим, когда воспитание и воспитательницы еще менее уважались, чем ныне. Скоро, однако, Фрэнк Доттон, красивый, хотя и не очень образованный лейтенант, уничтожил все планы леди Вильметер, женившись на Марте Рей на двадцать втором году ее жизни. Эта партия была совершенно равная во всех отношениях, за исключением только воспитания и характеров.

Молодой Доттон, женившись, увез свою жену с двумя тысячами фунтов приданого, и весьма долго никто не знал о его местопребывании. По прошествии двадцати пяти лет он, наконец, возвратился на свою родину с расстроенным здоровьем, пониженный в чине и занял настоящую свою должность сигнальщика. Миссис Доттон привезла с собой одно только дитя, прекрасную девочку, с которой читатель уже знаком и которой она старалась передать все свои познания. Вот каким образом Милдред была воспитана выше того состояния, в которое была поставлена судьбой; и миссис Доттон старалась развить в своей дочери прекрасные манеры и образ мыслей, обнаруживая очень часто какую-то болезненную разборчивость в поведении и склонностях Милдред. Нет, однако, никакого сомнения, что молодая девушка была обязана своим совершенствам как в том, так и в другом скорее тому, что никогда не разлучалась с матерью, чем ее наставлениям: долголетний пример всегда производит свое действие.

В Вичекомбе решительно никто не знал истории разжалования Доттона, который никогда не был выше лейтенанта и лишился этого чина приговором военного суда. Вторичным принятием своим на службу в звании штурмана он был обязан жене, которая пользовалась большим покровительством лорда Вильметера, брата подруг ее юности. Что господин Доттон промотал все достояние своей жены, это было так же хорошо всем известно, как и то, что он был не слишком воздержан к спиртным напиткам и что жена его была несчастная, достойная истинного сожаления и удивления женщина.

Это небольшое отступление, вероятно, извинит нам добрый читатель, тем более что оно произошло вследствие необыкновенного внимания, оказанного адмиралом Блюатером нашей прелестной героине. С тонкостью светского человека, отбросившего лета и звание, он успел преодолеть робость Милдред и сделать ее разговорчивой и был поражен тонкостью ее чувств и глубокими ее познаниями.

Лишь только позволило приличие, миссис Доттон попросила у хозяина позволения удалиться со своей дочерью в другую комнату. Выходя, она бросила боязливый взгляд на мужа, лицо которого начинало уже краснеть от частого употребления портвейна; несмотря на все старание казаться улыбающейся и веселой, она не могла скрыть своей душевной тревоги и лишь только вошла в гостиную, как слезы градом потекли по ее щекам. Милдред не нужно было объяснений, она бросилась на грудь своей матери и несколько минут горько плакала вместе с ней.

– Что за причина, Милдред, – сказала мать, успев, наконец, преодолеть свои чувства и осушить слезы и глядя с нежной любовью в лицо прекрасной девушке, – что адмирал Блюатер в продолжение всего обеда так коротко с тобой обходился? Право, я не знаю, что и подумать!

– Он чудный старик, добрая матушка, – отвечала Милдред. – Он так добр, так откровенен, что невольно с первой встречи приобретает полное доверие каждого. Мне удивительно только, неужели он серьезно говорил о благородной смелости и высоком мужестве принца Эдуарда?

– Без сомнения, это была одна только шутка; министерство едва ли вверит команду флота кому-нибудь другому, кроме истинного вига. Когда я была еще девушкой, я видела многих членов его фамилии и всегда слышала, что о них отзывались с истинным уважением. Лорд Блюатер, двоюродный брат этого Блюатера, был очень дружен с нынешним лордом Вильметером и часто бывал у него. Сколько я помню, этот Блюатер в ранней юности был жестоко обманут в любви и с тех пор ни разу и не подумал о браке. Поэтому тебе не мешает быть с ним несколько осторожнее.

– Это предостережение, милая матушка, совершенно, кажется, лишнее, – отвечала Милдред, смеясь. – Я могу любить адмирала, как отца, а для другого какого бы то ни было чувства он, кажется мне, уж слишком стар.

– Но зато он моряк, а это, сколько мне известно, должно иметь в твоих глазах какую-нибудь цену, – отвечала мать, улыбаясь и с нежностью, однако, и не без лукавства, глядя на свою дочь.

В это время в комнату вошел Блюатер.

– Я бежал от бутылки, как от самого страшного неприятеля, желая скорее присоединиться к вам и вашей прекрасной дочери, – сказал он. – Окес со своим братом баронетом сильно потягивают кливер, как говорят моряки, а я без сигнала вышел из линии.

– Я уверена, что сэр Джервез не пьет вина более того, сколько оно может быть полезно уму и телу, – заметила миссис Доттон с поспешностью, в которой тотчас же начала раскаиваться.

– О, разумеется, нет! Джервез Окес умерен, как самый строгий отшельник, а между тем у него есть такая способность казаться пьющим, что он любому четырехбутыльнику будет приятным сотоварищем. Как он это делает, я не могу вам сказать, но у него выходит это так ловко, что он едва ли лучше победит врага на открытом поле, чем своих застольных противников заставит покатиться под стол. Сэр Вичерли только что начал свои тосты в честь Ганноверского Дома, и у них, вероятно, будет еще долгое заседание.

Миссис Доттон со вздохом отошла к окну, стараясь скрыть свою бледность. Между тем адмирал Блюатер спокойно сел подле Милдред и пустился с ней в длинные рассуждения.

– Я надеюсь, миледи, – сказал он, – что вы, как дочь моряка, будете снисходительны к болтовне собрата вашего батюшки. Мы, вечно заключенные в свои каюты, бедны идеями и худо знакомы со многими предметами, а говорить поминутно о ветре и волнах наскучит даже и поэту.

– Как дочь моряка, сэр, – отвечала Милдред, – я уважаю звание своего отца, а как дочь Англии я высоко ценю храбрых защитников нашего острова. Но я сомневаюсь, чтоб моряки имели менее предметов для разговора, чем другие.

– Ваше мнение меня очень радует, миледи, потому что, если вы позволите только быть с вами откровенным, не как однодневному знакомому, а как другу многих лет, да и почему же, право, не быть этому? Мои чувства говорят мне, будто я давно уже вас знаю, хотя я и уверен, что мы прежде никогда не встречались.

– Может быть, сэр, это служит знаком того, что мы впоследствии будем долго знать друг друга, – сказала Милдред с пленительной улыбкой, чуждой всякой хитрости и расчетов. – После этого я надеюсь, что вы будете откровенны со мной.

– Если так, то я, под опасением сделать величайшую ошибку, скажу вам просто, что «мой племянник Том», как говорит сэр Вичерли, вовсе не увлекательный юноша, и я надеюсь, миледи, что на него смотрят здесь все теми же глазами, как и пятидесятилетний моряк.

– На это, сэра, я могу вам отвечать только как девятнадцатилетняя девушка, – сказала Милдред, смеясь, – и потому скажу вам, что эта девушка вовсе не видит в Томе Адониса или Кричтона!

– О, как я рад это слышать! – воскликнул Блюуатер. – Ведь на его стороне и без того страшное преимущество. Он, как я слышал, наследник баронета?

– Кажется, что так. У сэра Вичерли нет другого племянника, по крайней мере, он старший из трех своих братьев, а так как баронет бездетен, то, вероятно, Тому и достанется все наследство. Не знаю, правда ли, но я слышала от отца, что сэра Вичерли всегда говорит о Томе, как о своем наследнике.

– О миледи! Отцы вечно смотрят на эти вещи совсем другими глазами, чем их дочери. Итак, Том старший из трех братьев, следовательно, лейтенант младший?

– Он вовсе не принадлежит к этой фамилии, – отвечала Милдред, краснея, несмотря на решительное намерение казаться равнодушной. – Господин Вичерли Вичекомб, как говорят, вовсе не родственник нашему хозяину, хотя и носит оба его имени. Он уроженец Виргинии.

– Он благородный малый с мужественной, открытой наружностью! Если бы я был сэром Вичерли, я скорее прервал бы порядок наследия, лишь бы передать свои владения молодому лейтенанту, чем этому надутому племяннику. Так вы говорите, что он из Виргинии и вовсе не родственник баронета?

– По крайней мере, сэра, так говорит Том, а за ним и сэра Вичерли. От господина Вичерли Вичекомба я никогда ни слова не слышала об этом.

– Слабость человеческая! Он находит здесь знатную, древнюю фамилию и не имеет достаточно мужества, чтобы отречься от всякого родства с ней!

Милдред медлила с ответом.

– В поступках Вичерли, – сказала она довольно сухо, – я никогда не замечала ничего такого, что заставляло бы подозревать в нем эту слабость. Напротив, он гордится тем, что он уроженец американских колоний, хотя вам, вероятно, и

известно, что у нас в Англии смотрят на колонистов едва ли как на равных себе.

– Неужели и вы, миледи, подвержены этому нелепому предрассудку нашей родины?

– К счастью, нет, но ему подвержены очень и очень многие; Вичерли охотно допускает, что его родина Виргиния уступает во многих отношениях Англии, но все-таки он гордится этой родиной!

– Может быть, это происходит оттого, миледи, что наши чувства почти всегда связаны с нашим самолюбием. Мы знаем, что этого недостатка исправить нельзя, и потому стараемся им гордиться.

– При всем том, я вовсе не предполагаю в господине Вичерли Вичекомбе особенного самолюбия. Напротив, он скорее недоверчив к самому себе и вовсе не заносчив. – Милдред говорила с такой искренностью, что ее слушатель невольно устремил на нее свои пронизательные голубые глаза, и тогда только она вздрогнула, вспомнив, что, может быть, сказала что-нибудь лишнее. В это время в комнату вошли оба молодых человека и слуга, который доложил Блюатеру, что сэр Джервез желает его видеть у себя в комнате.

Между тем Том успел уже рассказать миссис Доттон о положении в столовой, которое было таково, что всякий, не имея особенной привязанности к излишним возлияниям Бахусу, должен бы был поспешно удалиться. Такое известие сильно опечалило добрую миссис Доттон, которая, выслушав рассказ Тома, быстро отошла к окну, находясь в совершенной нерешительности, не зная, что ей делать. Но так как оба молодых человека были заняты разговором с Милдред, то она и могла беспрепятственно обдумать свое положение и меры, которые необходимо было принять.

Глава VII

Мы сделаем кое-что. Подумайте, когда я буду королем, вы попросите у меня графство Герфорд и всю прекрасную обстановку, принадлежавшую королю, моему брату.

Шекспир. «Ричард III»

Войдя к сэру Джервезу, Блюатер нашел своего друга расхаживающим вдоль комнаты с таким старанием, будто он только что освободился от продолжительных служебных занятий. Так как каждый из них знал привычки другого, то, не стесняя друг друга, они никогда не отказывали себе в удобстве, и потому вошедший спокойно уселся в кресло с таким видом, который ясно показывал, что, что бы ни привело его сюда, он все-таки не намерен лишать себя своих привычек.

– Блюатер! – начал сэр Джервез. – Предприятие принца Эдуарда чрезвычайно неблагоприятно и непременно приведет его к гибели.

– Это один Бог знает, – отвечал другой. – Никто из нас не знает, что случится с нами завтра, даже через час. Мог ли я предвидеть, например, это восстание, когда мы были в Бискайском заливе?

В эту минуту послышался легкий стук в дверь, извещавший о посетителе, и на приглашение войти явился Атвуд. В руках его был большой пакет с казенной печатью.

– Прошу извинения, сэр Джервез, – начал секретарь, – но служба его величества не допускает отлагательств. Этот пакет, сэр, привез курьер, который выехал из Адмиралтейства только вчера после обеда.

– Да каким же образом он узнал, где меня найти? – воскликнул вице-адмирал, принимая пакет.

– Этим мы обязаны, кажется, предусмотрительности молодого лейтенанта. Курьеру велено было скакать в Фольмут с возможной быстротой; в Фоусе узнал он, что эскадра ваша стоит на якоре в Вичекомбе, и легко понял, что он скорее доставит вам депеши, если повернет в сторону и поскачет сюда сухим путем, чем водой, на шлюпе, назначенном везти его в Бискайский залив. – Сказав это, секретарь поставил на стол две свечи. – Я еще не докончил своих бумаг, сэр, – добавил он, – и потому позвольте мне удалиться. – И с этими словами он вышел.

– У этого человека удивительный инстинкт, редкий в шотландце! – воскликнул сэр Окес, как только они остались вдвоем с Блюатером. – Он не только знает,

когда он нужен, даже когда он лишний. Ба, ба! Да этот пакет прислан тебе, и, посмотри, он адресован контр-адмиралу, сэру Ричарду Блюатеру, К. Б.[6 - Командор Бани (ордена).]. Поздравляю тебя, мой старый друг! Наконец-то тебе дали красную ленту, которую ты так вполне и давно заслужил!

- Признаюсь, я этого вовсе не ожидал! Впрочем, пакет этот адресован вовсе не ко мне, потому что я не принадлежу к кавалерам ордена Бани.

- Бог знает, что ты говоришь! Распечатай пакет или дай мне распечатать. В Англии нет двух адмиралов этой фамилии.

- Я держусь правила не распечатывать писем, которые не адресованы мне должным образом, - отвечал хладнокровно Блюатер.

- Оно адресовано тебе, несомненно. Давай, я его распечатаю!

Сказав это, сэр Джервез сломал печать, и из пакета упала на пол красная лента. За ней показались другие знаки Бани и между ними письмо, которое должно было пояснить дело. В письме было сказано, что его величество с удовольствием возлагает на контр-адмирала Блюатера знаки ордена Бани в награду за отличную службу. Тут же было короткое письмо от первого лорда, в котором тот выражал полное свое удовольствие привести в скорейшее исполнение королевскую милость.

- Что ты думаешь об этом, Дик? - спросил с торжеством сэр Джервез. - Что, не исполнились ли слова мои?

- Слишком поздно! - прибавил хладнокровно Блюатер, положив спокойно на стол бумагу и орден. - Эту самую честь я могу теперь заслужить и у законного своего государя. Один только он вправе возвести своего подданного в сан кавалера Бани!

- А кто произвел вас, господин Ричард Блюатер, в капитаны, в контр-адмиралы? Значит, вы и меня почитаете самозванцем, потому что я ношу ту же ленту, полученную от короля Ганноверского Дома? Кто же я, по вашему мнению, вице-адмирал или нет?

– Между чинами и знаками отличия большая разница, сэр Джервез. Первыми награждает вас отечество, которому вы служите, между тем как вторые возлагаются милостью короля.

– Черт возьми вашу разницу, которая все опрокидывает вверх дном! Если я вправе назваться вице-адмиралом, неужели я не могу возложить на себя пожалованного мне ордена Бани? Вы считаете себя контр-адмиралом и, кажется, гнушаетесь этим орденом; а между тем все это исходит от одного источника могущества и славы.

– Я на это смотрю другими глазами, сэр Джервез. Мы получаем свои патенты на чины от Адмиралтейства, которое представляет собой государство; ордена же даются царствующим государем, в законность которого я мало верю. В моей власти не допустить Георга Второго возвести в достоинства кавалера ордена Бани Ричарда Блюатера, и я постараюсь воспользоваться этой властью. Эти игрушки присланы мне в минуту, когда уже возмущение вспыхнуло, и, как кусок, брошены мне, чтобы удержать меня и всю мою фамилию в добром расположении к королю Георгу.

– Это одно только твое предположение, которое на деле выйдет совсем иначе! Да вот бумаги нам лучше всего пояснят дело; и так как едва ли возможно, чтоб министерство ранее, чем за несколько дней, узнало о намерениях претендента, то число, проставленное на этих бумагах, докажет тебе, что ты был пожалован орденом прежде, чем даже могли подозревать предприятие принца Эдуарда.

Сэр Джервез с жаром начал разбирать письма, между тем как Блюатер снова занял свое прежнее место, ожидая с недоверчивой улыбкой и без малейшего любопытства результата чтения своего друга. Сэр Джервез не замедлил разобрать все бумаги и был немало разочарован. Все числа показывали, что министры знали гораздо лучше весь ход дела, чем он предполагал; оказалось, что они были почти в одно и то же время уведомлены о предпринимаемом претендентом плане, как и он сам. Приказания, отдаваемые ему в полученных бумагах, заключались в том, чтобы отвести вверенную ему эскадру к северу и действовать там сообразно обстоятельствам и собственному благоразумию. Взглянув на числа бумаг, он ясно увидел, что красная лента дана была Блюатеру после полученных известий о движении претендента. К довершению его досады он нашел в одном из пакетов частное письмо одного своего знакомого, служащего в Адмиралтейств-коллегии, который писал, что он узнал секретно о скором производстве сэра Джервеза в полные адмиралы и о многих

других повышениях, которые ясно показывали, что правительство, с помощью милостей, старается окружить себя в настоящем положении людьми верными и полезными.

– Черт их возьми, Дик! – сказал Джервез, бросив с негодованием последнее письмо. – Наемная совесть этих придворных пролаз прибегает к средству произвести сэра Джервеза в адмиралы, будто бросая мне приманку, мне, который произведен в вице-адмиралы только шесть месяцев назад, который гордится тем, что он каждый чин свой, от мичмана до последнего, получал за истинные заслуги, за свою храбрость. Я не приму чина, потому что каждый увидит в этом одну только приманку, подкуп!

– Я такого же мнения насчет ордена и ни за что не приму его.

Вице-адмирал пристально посмотрел на своего друга; ему казалось, что никогда еще Блюатер не обнаруживал такого решительного намерения оставить службу Георга II.

Сэр Джервез хотел ответить, но в эту минуту послышался стук в дверь, возвещавший о новом посетителе. На этот раз в комнату вошел Галлейго, который также был включен в гостеприимное приглашение сэра Вичерли, распространявшееся на всех, непосредственно принадлежавших к свите сэра Джервеза.

– Кой черт принес тебя сюда? – закричал вице-адмирал довольно сердито, будучи прерван в самую важную минуту. – Ты, кажется, не на «Плантагенете», а в доме баронета, где и без тебя довольно буфетчиков и ключников, которые наверняка не нуждаются в твоих советах и приказаниях.

– Вот в этом-то, сэр Джервез, я и не согласен с вами, я думаю, сэр, что содержатель судна, то есть, я хочу сказать, каютный, хороший содержатель, мог бы в этом доме сделать множество улучшений. Я совещался уже об этом деле с кухаркой, и, верите ли, я насчитал ей до семи блюд, о которых она никогда и не слышала.

– Ну, какие же они, Галлейго? – спросил Блюатер, подымая ногу на спинку ближайшего стула и намереваясь, по-видимому, пуститься в длинные рассуждения с каютным содержателем.

– Хорошо, сэр, самое первое блюдо, которое я назвал кухарке сэра Вичерли, госпоже Лардер, было лобскоус[7 - Кушанье, приготовляемое на судах особым образом из солонины, картофеля и лука; lobster – морской рак. (Примеч. перевод.)], и, поверите ли, она, бедняжка, никогда о нем и не слышала!

– Какое же было другое кушанье, которым ты привел в замешательство госпожу Лардер? – спросил контр-адмирал.

– Хорошо, сэр; она не больше знала и о чоудере[8 - Кушанье, приготовляемое из морской рыбы. (Примеч. перевод.)]. Когда я толковал ей о чоудере, она сделалась точно испанец при четвертом или пятом выстреле.

– Вы зачем сюда пожаловали, господин Галлейго? За тем ли, чтобы прочесть нам лекцию о блюдах или чтобы познакомить нас с вашими планами насчет эскадры? – спросил сэр Джервез гораздо серьезнее, чем он обыкновенно говорил со своим содержателем.

– Что вы, сэр Джервез, мне и не снилось ни то ни другое. Рассказывать вам или адмиралу Блю (так называли матросы Блюатера) что-нибудь о лобскоусе или чоудере было бы с моей стороны так же безрассудно, как возить в Ньюкасл каменный уголь. Что же касается движения нашей эскадры, то я очень хорошо знаю, что ему не бывать прежде, нежели мы не посоветуемся об этом в каюте старого Плантера.

– Позвольте же мне спросить, что привело вас сюда?

– С величайшим удовольствием, сэр Джервез, потому что я люблю отвечать на ваши вопросы. На этот раз мое поручение не к вам. Впрочем, в нем нет ничего важного, потому что мне нужно только вручить это письмецо адмиралу Блю.

– А откуда это письмо и как оно попало в твои руки? – спросил Блюатер, разглядывая адрес, почерк которого, казалось, был ему известен.

– Оно из Лондона, и мне сказали, что надо сохранить в тайне, что вы его получили. Сегодня ночью прибыл сюда офицер, которому было приказано натянуть паруса своей коляски, сколько она в состоянии вынести. Встретившись с нашей лодкой, он осведомлялся, где бы ему отыскать адмирала Блю. Ему

сказали, что я, так сказать, друг и слуга обоих адмиралов, и он обратился ко мне с вопросом. Я обещал ему передать письмо, кому следует, он и отдал мне его с предостережением, о котором я уже имел честь вам доложить.

– А я, верно, ничего не значу в ваших глазах, мистер Галлейго? – спросил резко вице-адмирал.

– Вы, сэр Джервез, как и всякий другой флаг-офицер, часто можете ошибаться, но я считаю вообще адмирала Блю и вас за одного человека, потому что знаю, что между вами нет никаких тайн.

– Довольно, Галлейго, – отвечал сэр Джервез ласково, – ты хоть и порядочный плут, но все-таки добрый малый. Прощай! Нам нужно еще о многом поговорить с адмиралом Блюатером.

– Доброй ночи, господа, доброй ночи! Да благословит вас Господь! Прощайте, адмирал Блю. Мы с вами трое такие люди, которые сумеют хранить тайну, сколько бы она ни подвергалась течи в своем плавании.

Сэр Джервез прекратил хождение по комнате и с явным участием смотрел на своего друга, замечая, что тот в третий раз перечитывал письмо. Так как теперь не было посторонних свидетелей, то он не замедлил выразить свои мысли.

– Мои опасения, кажется, сбылись, Дик. Так! – вскричал он. – Это письмо, вероятно, от какого-нибудь важного приверженца Эдуарда Стюарта?

Контр-адмирал взглянул на своего друга с выражением, которое трудно было понять, и потом пробежал послание еще раз.

– Скажи мне, знаешь ли ты эту руку, Окес? Видел ли ты ее когда-нибудь прежде?

Он подал сэру Джервезу адрес, и тот, рассмотрев его внимательно, объявил, что эта рука ему вовсе не знакома.

– Я так и думал, – продолжал Блюатер, тщательно отрывая подпись и сжигая ее на свечке, – пусть по крайней мере хоть его гнусная фамилия останется в тайне. Человек, подписавший это жалкое маранье, вполне достоин названия подлеца.

Между мной и моим старым другом никто не вправе стать таким подлым образом, и я вовсе не намерен скрывать от тебя этого поступка. На, прочитай, Окес, и скажи, не достоин ли он колесования?

Сэр Джервез взял письмо молча, с удивлением и начал его читать. Скоро, однако, румянец покрыл все его лицо, и он опустил письмо, чтобы взглянуть на своего товарища, исполненный негодования и удивления. Чтобы читатель понял причину таких чувств, мы сообщим содержание письма. Оно заключалось в следующем.

«Любезный Блюатер!

Наша старинная дружба и родство, которым я немало горжусь, заставляют меня писать вам эти строки в столь важную минуту для всей Англии. Нельзя сомневаться в результате безрассудного поступка претендента. Тем не менее этот мальчишка причинит нам довольно беспокойств, прежде чем мы от него избавимся. Поэтому мы должны просить у всех наших друзей деятельной помощи и благоразумного содействия. Вся наша надежда сосредоточивается на вас; я желал бы быть такого же мнения и о всех остальных адмиралах нашего флота. Нас смущает немного, может быть, и незаслуженное, чего бы я от души желал, сомнение насчет верности известного вам командира эскадры. Человек этот столь дорожит вашим мнением, что мы при одном намеке вам об этом предмете, зная ваши политические склонности, уверены, что вы при своем благоразумии устроите все как нельзя лучше. Сегодня утром король сказал своим приближенным: „Я надеюсь на адмирала Блюатера, как на солнце“. Весь Лондон о вас самого отличного мнения, и мне остается только сказать вам: будьте бдительны и исправны.

С искренней преданностью и проч. и проч.

P. S. Я сейчас услышал, что вам послали красную ленту. Это дело самого короля».

Когда сэр Джервез пробежал про себя это послание, он тотчас же прочел его вслух медленным, твердым голосом. Окончив, он бросил письмо и посмотрел на

своего друга.

– Могут ли эти бездельники быть столь низкими? Нет, смеют ли они быть столь дерзкими! Они ведь должны были предвидеть, что ты покажешь мне это письмо?

– Вовсе нет. Они только воображали меня на своем месте. Я уверен, что этот мерзавец как раз воображал меня тем простаком, который позволит обмануть себя таким нелепым образом. Будь спокоен, Джервез; король Георг самого отличного о тебе мнения, между тем как я должен думать, что во мне сильно сомневаются.

– Во всех депешах, Блюатер, нет ни одной строки, которая обнаруживала бы хоть малейшее подозрение относительно меня или кого-нибудь другого. О тебе есть несколько слов, но они так удовлетворительны, что ими скорее можно успокоить тебя, нежели встревожить. Возьми, прочти их; я хотел показать тебе эти депеши по окончании нашего проклятого спора.

Говоря это, сэр Джервез положил весь пакет на стол перед своим другом.

– На это будет довольно времени после, – отвечал Блюатер, откладывая пакет учтиво в сторону.

– Итак, доброй ночи, Дик, – сказал сэр Джервез, протягивая другу обе свои руки, которые тот пожал от чистого сердца.

– Доброй ночи, Джервез. Выбрось этого жалкого черта за борт и не думай о нем больше. У меня страшная охота взять у тебя завтра отпуск, чтобы отправиться в Лондон и отрубить ему уши.

Сэр Джервез улыбнулся на это, и оба друга расстались с чувствами столь же нежными, как и в первые годы их совместной службы.

Глава VIII

Подумай, руку положи на сердце:

Моя ты дочь, тебя я передам

Тому, кто дорог, мил, а не моя

Ты дочь, так к черту, надевай

Суму, мри с голоду и ноги протяни

На улице[9 - Перевод П. А. Кускова.]...

Шекспир. «Ромео и Джульетта»

Замок сэра Вичерли Вичекомба имел все признаки жилища холостяка. Если хозяин предавался веселью, слуги были тотчас готовы следовать его примеру. Сэр Вичерли имел прекрасный стол, и люди почти не отставали в этом от своего господина; вся разница заключалась в вине, вместо которого давался им двойной эль, да и разница между этими двумя напитками состояла более в названии, чем в качестве. Хозяин пил портвейн, потому что в середине прошлого столетия немногие англичане имели лучшие вина, портвейн этот вовсе не был отборный; слуги же пили эль высшего вкуса и качества.

Так как в замке и близ него и старый и малый были ревностно преданы Ганноверскому Дому, то лишь только между ними распространилась молва об угрожающей опасности этому Дому, как они дружно принялись изъяслять свою преданность Георгу со стаканами в руке, и громогласные крики «Да здравствует Георг! Смерть претенденту и его сыну!» раздались повсюду.

Поэтому, когда Блюатер оставил комнату своего друга, крики радости и веселья так сильно оглушили его со всех сторон, что он решил обождать, чем все это кончится, а так как еще было довольно рано возвращаться на судно, то он спустился в нижний этаж, желая подробнее ознакомиться со всем происходящим. Проходя большую залу, чтобы войти в гостиную, он неожиданно встретился с Галлейго, и между ними завязался разговор.

– Мне кажется, что здешний дворецкий худо исполняет свою обязанность, мистер Галлейго, не потушив до сих пор в доме огня, – сказал контр-адмирал со своим обычным спокойствием. – Этот смех, пение и крики вовсе не приличны для такого почтенного жилища.

– В том-то и дело, адмирал Блю, – отвечал тот, будучи в весьма веселом расположении духа, но еще довольно трезвый, чтобы соблюсти всю вежливость, – в том-то и дело, ваша милость, там, внизу, отдан приказ: не тушить огня и веселиться, сколько кому угодно. Такой эль, ваша милость, какой выдается в трюме этого дома, невольно веселит сердце. Тут теперь все тянут кливеры, и скоро этот старый замок понесет столько парусов, сколько в состоянии выдержать.

– Эх, Галлейго! Пусть бы уж пьянствовали одни люди сэра Вичерли, а то и ты, слуга гостя, участвуешь в этом! Так как твоего господина нет здесь, то я беру смелость усостыжить тебя хорошенько, потому что, я очень хорошо знаю, сэр Джервез ужасно бы огорчился, узнав, что его содержатель сделал непростительную глупость.

– Что вы, дорогой адмирал Блю! Возьмите сколько вам угодно смелости, я никогда не обижусь. Я ведь знал вас еще тогда, когда вы были молодым, ну а теперь уже вы контр-адмирал.

– Это все так, Галлейго, но прими мой совет, по крайней мере, сегодня не употреблять более эля. Скажи-ка мне, где бы найти мне гостей сэра Вичерли?

– Извольте, ваша милость, ведь, право, вы никого не могли удачнее спросить об этом, как меня, потому что я только что прошелся по всем комнатам; видите ли, сэр, я вообразил себе, что я на «Плантере» и что я исполняю обыкновенную свою обязанность, обозревая, все ли у нас в порядке. Когда я проходил, ваша милость, по столовой, сэр Вичерли поднес мне стаканчик своего темно-красного, заставляя меня провозгласить: «Смерть претенденту». Ну а какое ваше мнение, адмирал Блю, относительно крейсера сына претендента к горам Шотландии?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Дик, сокр. Ричард (Примеч. перевод.).

2

Fonts – купель.

3

При Деттингене Георг II разбил французов 27 июня 1743 года. В битве же при Фонтенуа, 11 марта 1745 года, соединенные армии голландцев и англичан под начальством герцога Кумберлендского были разбиты маршалом Саксонским, что повлекло за собой потерю Турне и всей Фландрии. (Примеч. авт.)

4

Так назывались приверженцы Иакова III и его сына Карла Эдуарда.

5

Пародия на песенку шотландских якобитов.

6

Командор Бани (ордена).

7

Кушанье, приготовляемое на судах особым образом из солонины, картофеля и лука; lobster – морской рак. (Примеч. перевод.)

8

Кушанье, приготовляемое из морской рыбы. (Примеч. перевод.)

9

Перевод П. А. Кускова.

Купить: https://tellnovel.com/kuper_dzheyms-fenimor/dva-admirala

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)